

**ЧЕМ МЫ БЫЛИ ДРУГ ДЛЯ ДРУГА?
ИСТОРИЯ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ
ГЛАЗАМИ ЖИТЕЛЕЙ ПОСТСОВЕТСКОЙ КИРГИЗИИ**

Данная глава представляет собой попытку взглянуть на жизнь русскоязычных в Центральной Азии сквозь призму **прошлого**, причем в первую очередь не реального, а сконструированного массовым сознанием. Труднейшим вопросам здесь несть числа: каковы представления людей об исторических корнях переживаемых ими трудностей межгруппового общения; под влиянием каких событий и обстоятельств сформировалась их историческая память и где находятся ее основные «болевы́е точки»; меняются ли этнокультурные комплексы и фобии и если да, то в какую сторону; как представители народов, десятилетиями или еще дольше живущих бок о бок, оценивают свой вклад в развитие и благосостояние друг друга; какова, наконец, взаимозависимость между исторической памятью, историческими стереотипами, с одной стороны, и оценками людьми новой этнополитической ситуации и их поведенческими реакциями, с другой. Интересно также выявить степень мифологизации сознания, ее истоки и проявления. Таковыми могут быть, к примеру, следование социальным мифам советских времен или специфические групповые мифологизированные реакции, носящие компенсаторный характер.

Пролить свет на некоторые из этих вопросов мне поможет достаточно своеобразный социологический материал, собранный во время полевых исследований в Киргизии и Таджикистане в 1996 г. Чтобы выяснить, как их население представляет себе историю взаимоотношений «детей империи» и коренных народов Центральной Азии, русскоязычным участникам анкетирования в Бишкеке было задано четыре следующих вопроса (открытого типа): «Что хорошего (плохого) сделали русские для киргизов?» и «Что хорошего (плохого) сделали киргизы для русских?». Аналогичные вопросы задавались той же осенью 1996 г. в ходе интервьюирования киргизов Бишкека и таджиков Худжанда (Ленинабадская область¹ Таджикистана)². Глава написана преимущественно на киргизстанском материале — именно в этом случае возникает удачная возможность соотнести разделяемые массовым сознанием представления о прошлом с настоящим, т. е. с тем, как складывались в последние годы отношения между русскоязычными и титульной группой. В целях сравнения будут привлечены и мнения таджиков Ленинабадской области.

Хотя необходимые вступительные слова сказаны, перед тем, как перейти к анализу полученных мнений и оценок, рискну занять еще толику читательского внимания некоторыми методологическими пояснениями, а также размышлениями концептуального характера.

Хочу особо подчеркнуть (и это отражено в названии главы), что вопросы о «хорошем» и «плохом» имели своей главной целью прояснить, как массовым сознанием оценивается взаимодействие народов, культур³, цивилизаций, но ни в коем случае не конкретных людей или их групп. В большинстве случаев они именно так и воспринимались без дополнительных пояснений (хотя абстрактный характер вопросов делал их достаточно сложными для восприятия, и процент затруднившихся с ответом составил в среднем 20–25%). Попытки же некоторых респондентов, в основном малообразованных, апеллировать к личному опыту и отвечать в духе: «мне никто ничего плохого не сделал, с соседями хорошо живем», пресекались интервьюерами. В подобных случаях людям объясняли, в чем смысл вопроса, и если после этого ответ нужного уровня обобщения так и не был получен, он также фиксировался под рубрикой «затрудняюсь ответить».

Были ситуации и иного рода (примерно 1–2% ответов), когда вопрос вызывал отрицательную реакцию респондентов как «некорректный», «лишний», «вносящий смуту в наши отношения» и пр., отсюда и нежелание отвечать на него. При обработке эти случаи фиксировались под рубрикой «нет ответа». Действительно, вопрос намеренно был подан в острой, провокационной форме — во-первых, чтобы смысл его был предельно ясен; во-вторых, чтобы подтолкнуть отвечающих к четким, возможно, столь же заостренным формулировкам, без полутонов и «размытости», плохо поддающихся содержательной интерпретации. Добиться как можно большей откровенности при обсуждении весьма деликатных тем мы старались и с другого конца — это обеспечение строгой анонимности исследования и подбор квалифицированных интервьюеров-социологов нужной национальности (с русскоязычными беседовали «русские», с таджиками — таджики, а с киргизами — киргиз, который мог общаться с респондентами, исходя из их пожеланий, на русском, киргизском языках или на двух языках сразу⁴). И надо сказать, в подавляющем большинстве случаев наша цель была достигнута — судя по многим весьма раскованным ответам, респонденты отнюдь не были ограничены внутренним «цензором».

Несколько слов о трудностях и подводных камнях исследования, во многом предопределяющих дискуссионный характер его выводов. Как уже отмечалось, «хитрые» исторические вопросы задавались менее всего с экзаменационной целью — выяснить, насколько хорошо люди знают историю (в данном случае историю взаимоотношений своих народов и культур); намного важнее было узнать, как они ее

конструируют и насколько совпадают (или расходятся) оценки киргизов (таджиков) и русскоязычных. И все же наличие некоего устоявшегося массива исторических концепций и сведений о том, как «все было в действительности», оказалось бы в подобном исследовании весьма кстати. К сожалению, такого массива не существует.

Дело не только в том, что история — наука неточная, и даже изученные вдоль и поперек судьбы мировых империй так и не дали однозначного ответа на вопрос, чего больше — «хорошего» или «плохого», — принесли эти империи на «переваренные» ими территории. Кроме всего прочего, мы, жители и народы бывшего Советского Союза, вынуждены по известным причинам переосмысливать и переписывать свою историю. А когда в таком многоквартирном с этнической и культурной точки зрения «доме», какой были Российская империя и СССР, жители всех квартир получили наконец-то свободу выражать и даже политически реализовывать свою «самость», едва ли не самым жгучим оказался для них соблазн переосмыслить именно имперский пласт нашего прошлого; написать, как теперь говорят, собственные, независимые, или национальные истории⁵. Неудивительно, что в работах постсоветского периода разноречивость или, по крайней мере, заметные расхождения интерпретаций и оценок являются скорее правилом, чем исключением — идет ли речь о масштабных социальных явлениях (например, сущность Российской империи⁶), об их модификации во времени и пространстве (в частности, характер отношений имперского Центра с отдельными территориями в разные периоды⁷) или, наконец, о конкретных исторических эпизодах⁸. Ряд примеров, приведенных в примечаниях, лишь фиксируют существующие различия во взглядах коллег, но анализ высказываний респондентов потребует возврата к некоторым сюжетам уже с определенных авторских позиций.

Еще одно замечание — по поводу терминов. Напомню, что в соответствии с заявленным в начале книги авторским подходом к объекту исследования использование в вопросах о «хорошем» и «плохом» термина «русские» весьма условно и ни в коем случае не подразумевает русских в чисто этническом смысле. Это своего рода кодовое название для обозначения всей совокупности этнических групп, являвшихся в разные периоды проводниками имперской политики в Центральной Азии; внешней силой, пришедшей с Севера (пусть русские и преобладали численно в этих людских потоках)⁹. Речь, таким образом, идет о тех сообществах, которые в книге называются **русскоязычными**.

Именно они и имеются в виду в данной главе под термином **русские**, за исключением специально оговоренных случаев или тех, когда чисто этническое его содержание очевидно из контекста. Причем ответы на вопрос о «хорошем» и «плохом» показали, что и респонденты в своем большинстве восприняли слово «русские» в его «трансэтни-

ческом», более всего социальном смысле, называя те явления, которые были результатом взаимодействия не отдельных людей, а прежде всего обществ, социально-политических систем. Некоторые из них даже делали уточняющие комментарии: «надо говорить не русские, а россияне»; «надо говорить не “русские”, а ”Центр”, “государство”»; «это не русский человек провел русификацию, Сталин не был русским».

Столь пространный экскурс в этот, казалось бы, «боковой» для главы сюжет сделан мной с одной-единственной целью — избежать (к чему я стремлюсь на протяжении всей книги) чрезмерной «этнизации» изучаемых процессов и явлений, а в данном случае — объяснения мотивов и побуждений участвующих сторон преимущественно особенностями их национального характера. В чувствительном пространстве взаимоотношений различных этнокультурных групп, отягощенных бременем исторических обид и массой современных претензий друг к другу, оперировать категориями этничности нужно с большой осторожностью, не теряя из виду факторы геополитические, экономические, социальные.

Одно дело — русские такие-то по своей природе, по своему национальному складу, по свойствам души, и потому они действовали так-то и так-то, того-то и того-то следует от них ожидать и т. д.; и совсем другое дело — русские, оказавшись вместе с представителями других этнических групп в определенной исторической ситуации, будучи агентами тех или иных социально-политических систем, выполняли соответствующие функции и играли предписанные этими системами роли. Отсюда и различия в ответах на важнейший вопрос об исторической ответственности и исторических заслугах.

Между тем в нашей литературе необоснованная «этнизация» присутствовала и присутствует (в данном случае речь идет о работах, реконструирующих историю). Ярким примером является, в частности, прекрасный по своему стилю и убеждающей эмоциональности очерк Сергея Панарина «Восток глазами русских». С его основным посылом, если «очистить» его от этничности, нельзя не согласиться — речь идет об особом, «оценочном зрении» русскоязычных в их восприятии народов Востока как лишенных «этнической самости и цивилизационной неповторимости»¹⁰. По крайней мере, так обстояли дела в период написания очерка, т. е. в начале 1990-х гг. Сами же авторские аргументы, да и форма подачи материала пронизаны «русскостью» — в качестве субъектов действия, влияния и т. д. фигурируют исключительно русские в их этнической ипостаси; речь идет о русской душе, русских умах, особом предназначении русского народа; о клише старшинства и избранничества русских, о мессианских традициях русских; об исламофобии, превращающейся в «глубоко интериоризированный элемент сознания всего русского народа», о рецидивах

«застарелой русской болезни» и пр.¹¹ Лишь одно упоминание о социально-исторической обусловленности поведения русских (замечу в скобках — и не только их) касалось «негативистского большевистского видения Востока» и его возможного влияния на взгляды «нового поколения участников русско-восточных контактов»¹².

Аналогичную попытку «вывести» особенности российской/советской колониальной политики из свойств русского национального характера наблюдаем в статье Шарифа и Рустама Шукуровых. На определенном этапе изложения они вводят понятие русскоязычных как трансэтнической группы, и можно было бы считать многократно использованные обороты с эпитетом «русские» лишь фигурой речи (русский солдат, русская жестокость, русская власть — хотя по контексту речь явно идет о советской власти; русский колонизатор, русские штыки и т. д.), если бы, например, не объяснение злодеяний большевиков в Центральной Азии наличием, по Николаю Бердяеву, «“женской” хаотической черты в русском духе»¹³. При этом «за кадром» остается антигуманная природа большевистского режима как такового — режима, который «прошел катком» не только «по среднеазиатской жизни», но и по всей России и ее многочисленным народам, подминая, не в последнюю очередь, и самих русских. Кстати, из-за особенностей проводимой в Российской империи в начале XX в. национальной политики русские отнюдь не преобладали среди массы активных революционеров и лидеров революционных организаций, многие из которых и стали потом «преобразователями» этой самой среднеазиатской жизни¹⁴. И делали они это не как русские, а как носители, по их убеждению, бессмертной и всесокрушающей, причем наднациональной идеи — «Москва не как русскому мне дана, а как огневое знамя!» (Владимир Маяковский).

Аналогично, если продолжить начатый во введении экскурс в историю, в силу стечения исторических обстоятельств и предшествующая советской Российской империя не была национальным государством русских (длительное время уступавших по важнейшим показателям качества жизни многим другим, нерусским народам). «И хотя имперский патриотизм, который лежал в основе ее интеграции, имел некоторые элементы, связанные с этническим самосознанием русских (православие, общая история и культура), все же преобладали в этом комплексе наднациональные черты»¹⁵.

В контексте сказанного хотелось бы обратить особое внимание на «нерусские» или, по меньшей мере, не столько «русские», сколько **европейские** корни того чувства превосходства по отношению к «отсталым народам», которое стало на столетия стержнем не только официальной имперской политики (заимствованной в этом своем качестве и большевиками), но и, вплоть до последнего времени, главной

составляющей мироощущения оказавшихся на Востоке «детей империи» разных поколений и миграционных волн. Как отмечает Андреас Каппелер (*Andreas Kappeler*), копирование европейского опыта началось еще в первой половине XVIII в., когда, стремясь усилить давление на Степь, «Россия переняла на Западе европоцентристское сознание превосходства над Азией; дистанция по отношению к азиатам увеличилась, понятия “ислам”, “кочевники”, “Азия” и “Восток” приобрели однозначно негативный характер»¹⁶. В дальнейшем, на протяжении XIX в., эта ориентация постепенно усилилась, и «все меньше оставалось места для толерантности и понимания иного социального уклада, иной хозяйственной структуры, иной системы ценностей... как и западноевропейские колониальные державы, у которых Россия переняла это самосознание, она должна была якобы исполнить в Азии некую цивилизаторскую миссию, неся “примитивным” нерусским свет “более высокой” европейской культуры»¹⁷.

Сравнительная ценность материального и духовного («Что хорошего сделали русские для киргизов?»)

Перед тем, как будут проанализированы ответы русских и киргизов на каждый из четырех вопросов о «хорошем» и «плохом», несколько слов о технологии проведения исследования и принципах организации таблиц.

Всего в октябре 1996 г. было опрошено 304 русскоязычных жителей Бишкека. О выборке подробно говорилось выше (см. Введение). Напомню лишь, что в нее были включены лишь мужчины и женщины трудоспособного возраста (от 20 до 60 лет), преимущественно состоящие (или состоявшие) в браке. По признаку этнической принадлежности, участниками опроса стали, кроме собственно русских (их было большинство), представители многих «пришлых» русскоязычных этнических групп, населяющих Киргизию. Целевая группа из 96 киргизов, с которыми были проведены полуструктурированные интервью, подбирались по принципу снежного кома. В нее попали люди разных возрастов и занятий, включая пенсионеров и студентов. Однако обитатели маргинализованного «миграционного пояса» Бишкека, где осели в последние годы многочисленные выходцы из ближних и дальних сел, остались за пределами обследования. Моей целью было выяснение позиции именно «городских киргизов», с которыми русскоязычные в основном и контактируют на бытовом и профессиональном уровнях.

Полученные ответы группировались по естественно возникающим смысловым блокам (рубрикам); при сведении в таблицы более мелкие блоки объединялись по смыслу в более крупные. Число отве-

тов, «выбивающихся» из колеи массового восприятия и помещенных в рубрику «разное», в обоих случаях было очень небольшим.

Ответы русских анализировались не по всему массиву целиком, а по двум уже известным читателю группам респондентов (именно так ответы и представлены в «русских» таблицах, причем к условно желающим уехать присоединены несколько человек, уже готовящихся к отъезду). Различия в позициях мужчин и женщин оказались для русскоязычных несущественными ни с содержательной, ни с количественной точек зрения (за исключением того знакомого социологам обстоятельства, что при ответах на абстрактные вопросы об истории, политике и пр. доля женщин, затруднившихся с ответом, обычно выше доли мужчин). Иное с киргизами — гендерные различия здесь достаточно заметны, поэтому в таблицах ответы женщин и мужчин представлены отдельно.

Итак, что же хорошего, по мнению русских, они принесли киргизам? Различия между группами по содержательной структуре не очень существенны, впрочем, как и по частотному «весу» той или иной рубрики (см. табл. 1а). Разница заметна лишь в одном: в группе «желающих остаться» ощутимо больше тех, кто заслуги русских видит в развитии социальной инфраструктуры. Нет значимых различий и по подбору слов и выражений, глубине обобщений; детализированности ответов, их стилистической красочности и эмоциональной насыщенности.

Ответы в массе своей свидетельствуют о полной уверенности в значимости и огромной пользе миссии, выполненной русскими; киргизы (за кадром) видятся как сторона абсолютно пассивная, лишь воспринимающая импульсы извне. Особенно это заметно в ответах с «цивилизационной» нагрузкой, и тут симптоматичен сам подбор глаголов: внесли цивилизацию; принесли, ввели в Киргизию цивилизацию; внесли технический прогресс; основали, создали (на пустом месте), подняли сельское хозяйство; дали им культуру, дали толчок развитию; привили культуру, культуру привезли; открыли путь к...; приобщили к мировой цивилизации, оцивилизовали, окультурили, научили...; обустроили республику, практически с нуля создали...; дали самое лучшее и т. д. По численности им значительно уступают ответы либо более «мягкие», предполагающие хотя бы минимальное участие киргизов и наличие не только «пустого места» до прихода русских: помогли, обогатили, ускорили, повысили, совместно построили, обмен культур и пр., либо нейтральные, состоящие из одних существительных (образование; мировая культура; градостроительство; заводы; жилье и т. д.). Лишь одна женщина существенно смягчила тональность, переведя разговор из области результатов в область добрых намерений: «всегда старались сделать что-то лучшее, хорошее». Ответы явно шовинистического характера, правда, тоже единичны — «не загнали их в резервации, как индейцев»; «не истребили их как нацию».

Таблица 1а

Русские.
Смысловая структура ответов на вопрос «Что хорошего сделали русские для киргизов?», в % к числу ответов

Основные смысловые блоки	Желающие остаться в Киргизии (N=131) *	Ориентированные на выезд (N=194) *
1. «Всё» или очень многое	8,4	14,0
2. Русские принесли с собой изменения цивилизационных масштабов	12,2	13,4
3. Изменения в экономической и социальной сферах — создали экономику, систему образования, здравоохранения и пр.	24,5	21,6
4. Изменения в социальной и духовной сферах — медицина, развитие культуры и пр.	22,9	14,0
5. Создали экономику, построили промышленность	10,7	14,9
6. Научили, обучили...	3,8	6,7
7. Сохранили киргизов как нацию	0,0	3,6
8. Ничего хорошего не сделали	1,0	0,0
9. Затрудняюсь ответить	6,2	3,1
10. Нет ответа	4,6	3,6
Всего	100,0	100,0

* Здесь и в последующих таблицах единицей учета является не респондент(ка), а, в соответствии с методикой content-анализа, некая смысловая единица. Поскольку ответы иногда распадались по своему содержанию на два (или, реже, три) смысловых отрезка, базой для подсчета процентов стала величина, превышающая число опрошенных.

Некоторые ответы под рубрикой сделали «всё» звучат особенно патетически: «если бы не было русских, то киргизы вряд ли что смогли сами сделать»; «всё, что сделали — всё хорошо»; «всё, что имела Киргизия до развала СССР»; «всё, что есть хорошего в Киргизии, сделали русские», «подняли Киргизстан во всем»; «помогли им во всем; дали то, чего не было; поступили, что называется, по-братски». Правда, объективности ради надо отметить, что категориями «всё» и «цивилизация» мыслит все-таки меньшинство респондентов (20,6% среди «желающих остаться» и 27,4% среди «желающих уехать»).

Говоря о цивилизационных сдвигах, которым один респондент дал яркую метафорическую характеристику: «русские для киргизов —

это машина времени; перенесли их на много лет вперед», опрошенные не всегда использовали само слово «цивилизация». По сути, под эту рубрику можно подвести и ответы следующего типа:

- *создали экономику, государство и социальные структуры;*
- *внесли технический прогресс, культуру и благоустройство быта;*
- *научили обрабатывать землю;*
- *из аграрного Киргизстан стал промышленным государством;*
- *помогли приобщиться к мировому сообществу;*
- *помогли осесть, уйти от кочевого образа жизни;*
- *из феодального строя, минуя капитализм, пожили при коммунизме!*
- *помогли перешагнуть феодализм; из первобытного общества в капитализм;*
- *принесли социализм в эти края* (в последних трех высказываниях обращает на себя внимание весьма вольное обращение с теорией общественных формаций);
- *ускорили прогресс в XX веке;*
- *помогли встать на ноги;*
- *создали республику;*
- *построили новый строй;*
- *помогли становлению киргизской государственности;*
- *помогли киргизскому народу за 50 лет пройти от первобытнообщинного строя до нынешней перестройки на путь рыночной экономики.*

Говоря о вкладе русских в развитие и становление культуры, опрошенные рассматривают ее не в вышеупомянутом академическом смысле, а в более практическом — «всё от искусства до литературы, образования, быта, культуры». Наиболее часто употребляется само слово «культура», но упоминаются и образование, культурно-образовательный уровень, ликвидация неграмотности, подготовка кадров в вузах России, а также быт, производственная культура, градостроительство, медицина (создание системы бесплатного здравоохранения, ликвидация опасности эпидемий, излечение от сифилиса).

Ответы, касающиеся развития культуры русскими (или приобщения к ней киргизов с помощью русских) в ряде случаев подразумевают, что последние представляют культуру не только собственно русскую или славянскую, но и европейскую или даже мировую: «как человек искусства могу сказать — киргизы влились в мировую и русскую культуру». Лишь в одном ответе упоминается о развитии «киргизской культуры».

К идеям о культурном вкладе близки по смыслу и выделенные в отдельную рубрику высказывания, начинающиеся со слова «научили». Оно и здесь, и при использовании его в дальнейшем отражает восприятие себя русскими как учителей, а киргизов — как внимающих учеников; правда, смягчающим обстоятельством служит то, что и сами

киргизы активно прибегают к этому обороту при описании «воздействия» на них русских.

Диапазон того, чему русские «научили» киргизов, весьма широк — начиная опять же от языка, культуры, конкретных производственных навыков и бытовых привычек, умения работать:

- *научили сельскому хозяйству, показали, как надо работать;*
- *обучили тем или иным профессиям;*
- *научили работать;*
- *расширили кругозор, научили тому, о чем киргизы и не подозревали (сельское хозяйство, огород);*
- *научили обрабатывать землю;*
- *научили земледельческой культуре, строить дома, трудиться на производстве;*
- *многому научили: дали письменность, цивилизацию;*
- *научили языку, культуре;*
- *научили их мыться в бане и ходить в туалет, выдвигали, продвигали;*

и кончая тем, что

- *жить научили.*

Небольшую группу, но стоящую выделения в качестве отдельной — «сохранили киргизов как нацию», составляют ответы типа:

- *защитили нацию от вымирания;*
- *спасли от вымирания еще при царской России;*
- *сохранили как нацию;*
- *лечили, учили, убить друг друга не дали;*
- *сохранили самобытность киргизов.*

Итак, комплекс превосходства русских, комплекс «старшего брата» или, как более изысканно его называют некоторые авторы, «коллективное демиургическое и мессианское сознание»¹⁸, — казалось бы, налицо, во всей своей неприкрытой откровенности. Не будем, однако, спешить с выводами.

Начнем с того, что это ощущение огромности своего вклада у русских практически лишено здесь мифологичности, по крайней мере, собственной, групповой (универсальный миф о великом советском народе не в счет), а значит, и придуманности в том смысле, что опирается на многообразные материальные и духовные достижения цивилизации, которые **действительно** пришли в Центральную Азию по мере того, как она всё глубже втягивалась в орбиту российского/советского влияния. Модернизационный импульс дореволюционного периода был достаточно скромным, и все же сюда начали проникать и знания, и новые технологии (см. фото 1, 2). Началось и преодоление неграмотности (см. фото 3). Я думаю, можно согласиться с Анатолием

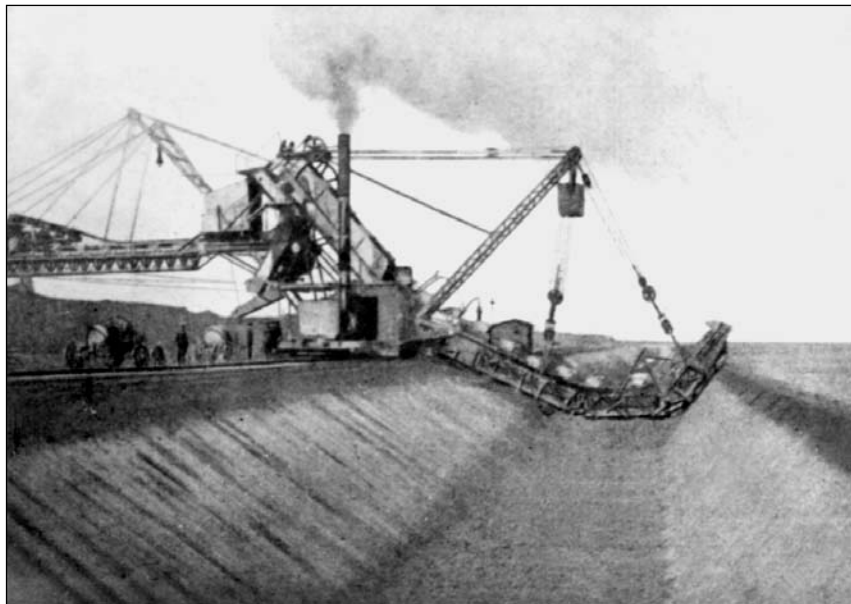

Фото 1. Многочерпаковый экскаватор при разработке выемки Шур-Узякского водоотводного канала. 1915 г.

Фото 2. Голодностепская опытная с/х станция по хлопководству у пос. Спасский. 1915 г.

Вишневым в том, что «южные или восточные районы империи, если бы они дожили до XX в., оставаясь в сфере имперского влияния Турции, Персии или Китая, вряд ли продвинулись бы в своем развитии дальше, чем это удалось им сделать, идя вместе с Россией»¹⁹.

Респонденты, правда, не задумываются об этом далеком периоде — ответы и русских, и киргизов на все четыре вопроса практически не вышли за временные рамки советской эпохи (за исключением одного более раннего эпизода — восстания 1916 г.). И тут, хоть ученые и спорят о сравнительной весомости вклада двух империй и указывают на ограниченный характер советской модернизации в Центральной Азии²⁰, для самих русских, а мы говорим сейчас именно о них, а не о позиции титульных групп, — достижения более чем очевидны. Они зримы, реальны, масштабны и ежедневно являются здешнему жителю как часть его профессиональной жизни, культурного пространства, бытовой и природной среды обитания. Конечно, не всё было сделано исключительно руками русских (напомню — русскоязычных!), но, по крайней мере, по их инициативе, настоянию, побуждению и т. д. И как минимум в силу именно этих обстоятельств в структуре самооценки русских идея «сози-

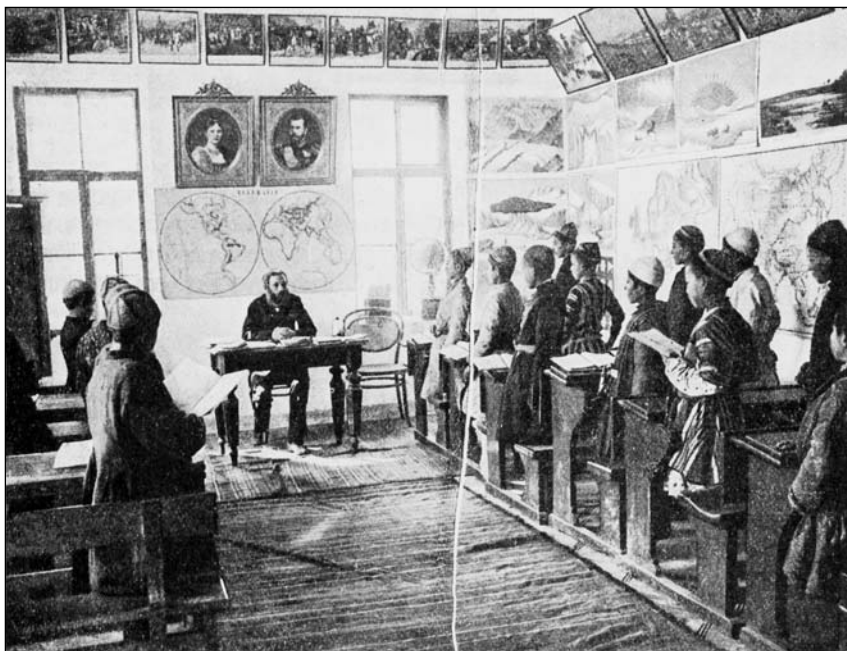

Фото 3. Русско-туземное училище. Учитель Сычев, выработавший многие практические основания обучения в русско-туземных училищах края. Ист.: Туркестан. География и история края. Составил М.В. Лавров. М., 1916. С. 54.

дательного вклада» суждена долгая жизнь, хотя, естественно, в советский период подобные самоощущения были более органичны эпохе и потому проявлялись в более напористых и безапелляционных формах. Всё это, однако, не означает, что в новой социально-политической среде не меняются и не будут меняться другие компоненты самосознания русских. И вряд ли можно будет говорить о комплексе превосходства в том случае, когда высокая самооценка сочетается с признанием собственных ошибок и достижений другой стороны.

Вернемся, однако, к анализу эмпирического материала. Общественный прогресс, сколь масштабным он бы ни был, имеет, как известно, свою оборотную сторону. Рано или поздно возникает вопрос — за счет чего или какой ценой? Что из материально-технических и социальных достижений имеет ценность безусловную, а что — относительную или даже сомнительную, для тех людей, например, кому эти достижения и были «принесены», «даны», «привиты», «преподаны» и т. д.? Посмотрим с этой точки зрения на ответы киргизов (см. табл. 1б) и сравним их с реакцией русских.

Две группы объединяет высокая степень, так сказать, «отвечаемости» на вопрос — доля затруднившихся здесь весьма невелика, сильно контрастируя с соответствующими показателями следующих таблиц. Понятно, что другие вопросы поворачивают проблему в более непривычную для респондентов плоскость; кроме того, задача была облегчена отмеченной выше «материальностью», «осязаемостью» предмета разговора. Различия же в видении проблемы русскими и киргизами весьма существенны, причем и в содержательном, и в количественном отношениях, несмотря на похожесть рубрик.

Во-первых, эмоциональный «градус» оценок киргизов значительно понижен, что характерно и для мужчин, и для женщин. Мы почти не встречаем здесь патетики и энтузиазма; куда больше спокойных, нейтральных констатаций, идет ли речь об образовании, культуре или экономике, а самые распространенные глаголы — «помогли», «способствовали», не подразумевающие иерархичности отношений между двумя взаимодействующими сторонами:

- *внесли вклад в социально-экономическое развитие Киргизии;*
- *промышленность с их непосредственным участием была поднята;*
- *оказали поддержку в экономике;*
- *культуру помогли поднять на более высокий уровень;*
- *оказали содействие в получении образования;*
- *через русский язык мы приобщились к мировой культуре, и т. д., и т. п.*

Посмотрим, далее, на первые две рубрики таблиц 1а и 1б. Киргизы, и это вполне объяснимо, вообще не оперируют категорией «всё»; первая рубрика содержит всего-навсего один ответ: «по-моему, немало,

Таблица 16

Киргизы.
Смысловая структура ответов на вопрос «Что хорошего сделали русские для киргизов?»,
в % к числу ответов

Основные смысловые блоки	Мужчины (N=50)	Женщины (N=54)	Всего (N=104)
1. Немало	0,0	1,8	0,9
2. Русские принесли масштабные изменения	8,0	1,8	4,8
3. Процесс был взаимным, все хорошее создавалось совместными усилиями	6,0	5,6	5,8
4. Помощь в развитии культуры, образования, науки	32,0	35,2	33,6
5. Развитие экономики, промышленности	12,0	11,1	11,5
6. Вклад в становление экономики и культуры	4,0	1,8	2,9
7. Научились у русских, позаимствовали у них...	22,0	18,5	20,2
8. Ничего хорошего не сделали	2,0	1,8	1,9
9. Затрудняюсь ответить	8,0	13,0	10,7
10. Нет ответа	0,0	3,8	1,9
11. Разное	6,0	5,6	5,8
Всего	100,0	100,0	100,0

но конкретно ответить затрудняюсь». Ответы, фиксирующие масштабность принесенных русскими изменений, не только малочисленны и принадлежат в основном лишь мужчинам, но и довольно сдержанны по тону: «все преимущества социалистического общества»; «общий уровень во всех отношениях помогли поднять»; «цивилизации с их помощью достигли»; «современный уровень жизни во многом их заслуга»; «поставили на ноги государство».

Часть опрошенных сочла необходимым подчеркнуть, что правильнее ставить вопрос не о вкладе русских, а о совместно достигнутых результатах:

- *думаю, друг для друга мы сделали много;*
- *экономическое, культурное развитие достигнуто совместным усилием;*
- *при общении любые народы обогащают друг друга;*
- *киргизы и русские друг друга взаимно обогащали — материально и духовно;*

- *поднимали вместе с киргизами культуру;*
- *все хорошее создавалось совместно.*

Аналогичный «понижающий» смысл имеют и ответы с оговорками — сделано-то сделано, но..:

- *они в какой-то мере способствовали развитию экономики, культуры;*
- *может быть, здесь заводы построили;*
- *после революции в рамках СССР поднималось на все более высокий уровень образование и пр., но это заслуга не только русских;*
- *немножко помогли быть образованными;*
- *кое-какую культуру переняли от них, образование.*

На мой взгляд, здесь мы имеем дело со своего рода **компенсаторной реакцией**, естественной для периода пробуждения национального самосознания и направленной на снижение заслуг «другого» в целях поднятия собственной самооценки.

Объективности ради отметим наличие рубрики «научились у русских» (около одной пятой ответов), и сам этот оборот подразумевает достаточно высокую оценку деятельности последних. За исключением ответов нескольких мужчин, обративших внимание на производственный аспект («научили работать неплохо»; «научили обращаться с техникой»; «обучили специальностям»), во всех остальных случаях речь шла о сферах культуры и образования:

- *киргизы научились от них многому (работе, культуре);*
- *способствовали расширению мировоззрения;*
- *обогатили физически и духовно;*
- *научили культуре (этика поведения);*
- *только в тех местах, где живут русские, есть справедливость, этика;*
- *научили языку, цивилизации и культуре других народов;*
- *позаимствовали у них много положительного;*
- *многому от них научились, и т. д.*

И тут мы подходим ко второму важнейшему отличию позиции киргизов — **культурный, образовательный вклад** русских представляется им **гораздо более заслуживающим внимания**, нежели преобразования в **материальной сфере**. Посмотрим, к примеру, на таблицы. Почти 36% русских респондентов говорили о развитии экономики, промышленности и пр., либо ограничиваясь этим, либо упоминая об экономике в ряду с другими своими успехами (и это без учета тех почти 13%, которые мыслили категорией цивилизационных сдвигов, куда опять-таки включались масштабные социально-экономические преобразования).

Велико и разнообразие названных русскими достижений — экономический, технический прогресс; создание легкой и тяжелой промышленности; перестройка быта; строительство городов, ГЭС, дорог, мостов; подъем сельского хозяйства; развитие архитектуры, создание системы здравоохранения, жилого фонда и пр. Что касается респондентов-киргизов, лишь 14,4% из них упомянули об экономических преобразованиях, причем в самом общем виде: «вклад в социально-экономическое развитие Киргизии» и т. д. (некоторые из подобных высказываний приведены выше).

Интересно, что никто (!) не вспомнил о развитии медицины и здравоохранения, создании сети больниц, поликлиник и пр., что составляет разительный контраст с ответами русских. А ведь речь идет о ценности безусловной, о плодах цивилизации, нужных каждому человеку, по отношению к которым трудно говорить о каких-то издержках и перекосах. Видимо, для нынешнего поколения киргизов, тем более городских, все созданное в этой сфере представляется привычным и само собой разумеющимся, и они мало задумываются о «точке отчета» — о тех страшных болезнях, которые преследовали киргизов и других кочевников до прихода русских²¹.

Обращают на себя внимание и другие «незамеченные» респондентами плоды прогресса: лишь один ответ касался сельского хозяйства («в сельском хозяйстве много чего сделали»), а про строительство и обустройство городов, которых не знали киргизы-кочевники, вообще никто не упомянул. Между тем перемены произошли действительно грандиозные, и роль русских тут трудно переоценить. Воспользуясь для иллюстрации поэтическим их описанием самими же киргизами. Вот выдержка из стихотворения Алыкула Осмонова «Город Фрунзе»:

...Помню в детстве, был ты темен, и уныл, и глух.
Над тобою пыль парила, пышная, как пух.
Вырос я. А ты, мой город, начал молодеть —
В каждой линии мне виден юношеский дух.
Льются струны телеграфа ниже твоих крыш.
Меж проспектов заблудился деревенский стриж.
Здесь — музей, а там — театры, школы, институт.
Ты витринами сияешь. Ты в огнях горишь.
Ты прошел, как тень былого, старый мой Пишпек.
Пыльно-серый, был от грязи чуть не черно-пег.
Но из ветхого столетья русская рука
Соколом тебя пустила прямо в новый век...²².

Стихотворение написано в 1946 г., и, хотя нельзя сбрасывать со счетов идеологический прессинг глухой сталинской поры, с неизбежными реверансами в адрес «старшего брата», картинка получилась очень реалистичная (Пишпек как поселение, напомним, был отстроен русскими на месте кокандского опорного пункта). А вот Молдо

Фото 4. Русский доктор. Фото М. Пенсона.

Ист.: *Ходжаев Ф. Узбекистан открытым сердцем. Повесть о жизни и творчестве Макса Пенсона.* Ташкент, 1989, с. 22

Кылыча, умершего в 1917 г., вряд ли можно подозревать в следовании советским идеологическим догмам, когда в поэме «Сказание о Чуйской долине» (1915 г.) он колоритно описывает все буйство разнообразия — народов, обычаев, земледельческих практик, товаров, плодов и пр., появившееся в долине с приходом туда русских:

...Расскажу, как люди пришли,
Из обширной русской земли,
Как в пустынной, сонной дали
Основали город Токмак...
Там, где город Токмак возник,
Расцвела, глаза веселя,
Превращенная в пашни земля...
Здесь прилежный сажает народ
И китайский кунак, и кунжут.
И у русских, и у дунган
Есть немало плодовых семян.
Было раньше нам невдомек,
Что пойдут человеку впрок
Эти овощи и плоды!
Хороши у русских сады,
Так густы, что встают стеной.
Огороды у них разрослись.
В удивленьи придет киргиз!..²³.

И строительство городов, и колхозные эксперименты на базе чуждой кочевникам земледельческой формы сельскохозяйственного производства, при всех их очевидных (как минимум, для советского периода) плюсах означали для киргизов радикальную перестройку привычной социально-природной среды и образа жизни, так называемое оседание. И, судя по ответам даже городских киргизов, которые сами вряд ли мечтают сменить благоустроенную бишкекскую квартиру на юрту чабана, на подсознательном уровне ощущение навязанности, ненужности этих перемен сохраняется или, по крайней мере, их ценность воспринимается как далеко не безусловная. В еще большей степени это относится к советскому индустриальному проекту — вспомним, что респонденты-киргизы пусть не проигнорировали полностью эту сторону созидательной деятельности русских, но сдержанность в оценках проявили.

Тут уместным будет обращение к весьма продуктивной, на мой взгляд, идее А. Вишневого о «восточнославянской метрополии» и, соответственно, о том, что реализованная советским режимом модель консервативной модернизации наиболее органично соответствовала потребностям восточнославянских народов и тем условиям, которые сложились в первой половине XX в. на основных территориях их расселения. А при «пересаживании» ее в иную социокультурную почву, будь то продвинутый Запад или традиционалистский Юг страны, неизбежно возникали пробуксовки и отторжение ее местным населением, естественно, по разным причинам, но с одинаковым результатом — модернизационный прорыв приходилось осуществлять населению пришлому, в первую очередь русским, украинцам, белорусам²⁴. Если говорить о Центральной Азии, то даже в конце 1980-х гг. среди занятых в промышленности было лишь 53% узбеков и того меньше киргизов — всего 25%²⁵. «Догоняющее развитие, которое несколько веков держало в напряжении восточнославянскую Россию, не играло большой роли в жизни неславянских народов ее восточных и южных колоний. Новые ценности промышленно-городской жизни здесь вообще долго не осознавались как ценности,.. не получали широкой общественной поддержки, встречали пассивное неприятие, а нередко вызывали и активное противодействие»²⁶. Неудивительно, что предмет особой гордости русских, их созидательная мощь²⁷ и ее воплощения в Центральной Азии — великие стройки, перекрытия рек, обводнение пустынь и механизация хлопководства (см. фото 5) — не встречали адекватного энтузиазма со стороны коренных народов.

Отзвуки этого пассивного неприятия слышны и в ответах киргизов, однако на общую закономерность, порожденную советским временем²⁸, не могли не наложить своего отпечатка локальная специфика и резкая смена исторической ситуации (как мы увидим ниже, особен-

Фото 5. Штурм хлопковых полей. Фотография Д. Бальтерманца, 1970-е гг.
Ист.: Дмитрий Бальтерманц. Избранные фотографии. М., 1977, с. не ук.

ности постсоветского развития различных стран региона и положения отдельных титульных групп также могут иметь значение). На мой взгляд, на оценках киргизов отразились два взаимосвязанных фактора — во-первых, специфика Бишкека, наспигованного предприятиями ВПК, на которых работали преимущественно русские за очень большие, по советским меркам, зарплаты; во-вторых, экономические трудности, вызванные распадом СССР и разрывом межхозяйственных связей, что превратило советское индустриальное наследство в почти недееспособный организм, гирию на ногах слабой национальной экономики.

А вот ценность советского **культурного** наследства в глазах респондентов-киргизов гораздо выше. Более 36% ответов фиксируют вклад русских в развитие образования; приобщение киргизов к русскому языку, русской и мировой культуре; кроме того, как уже указывалось, об этом же были и многие ответы, помещенные в рубрику «научили»; в то же время об экономических сдвигах было упомянуто лишь примерно в 14% ответах. Видимо, опрошенные исходили из жизненного опыта — знания имеют ценность во все времена. Возможно, повлияло на них и то обстоятельство, что культурная революция, в сравнении со

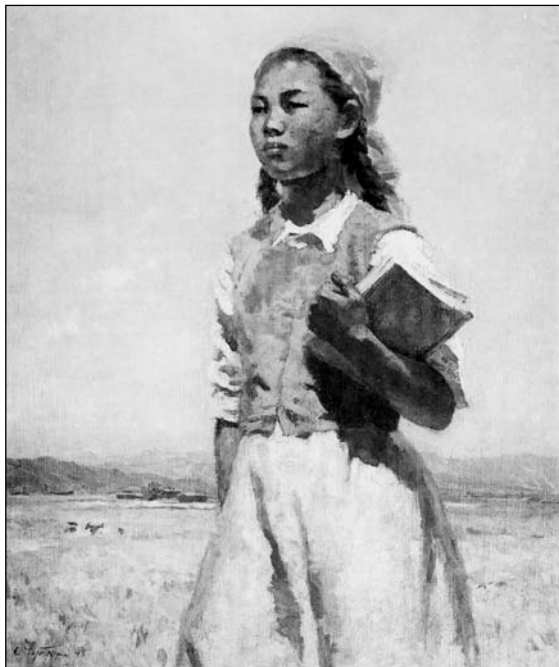

Фото 6. С. А. Чуйков. Дочь Советской Киргизии. 1948 г. Ист.: С. Чуйков.
Из собрания Государственной Третьяковской галереи. М., 1986, с. 17

всеми другими «рывками» советской власти, в первую очередь с индустриализацией и коллективизацией, прошла без колоссальных жертв и перекосов. Важно и то, что в период независимости практически не наблюдалось существенного снижения реального статуса русского языка (подр. см. разд. I, главу 3) и, соответственно, девальвации тех знаний и умений, которыми располагали опрошенные нами киргизы — люди, представляющие образованную и модернизированную часть нации (возможно, киргизы традиционно сельских и/или несевверных районов страны ответили бы на наши вопросы по-иному). Не будем забывать и о том, что Киргизия достаточно открытое общество, где русский язык и знания являются для многих людей «окном в мир», а ее система высшего образования считается одной из самых развитых в СНГ по масштабам, разнообразию вариантов и качеству обучения.

Мне кажется, что хрестоматийный, созданный по всем канонам социалистического реализма образ девушки-киргизки, идущей по степи к светлому будущему с книгами в руках, образ «Дочери Советской Киргизии» художника Семена Чуйкова (см. рис. 6), рано списывать как «реликт» советской эпохи. Это дочь новой, независимой

Киргизии смотрит в лицо своему будущему, которое ей никто уже не навязывает, но в котором знания и образованность будут цениться не меньше, а может быть, даже больше, чем при жизни под патронажем «старшего брата».

Цивилизация ценой самобытности («Что плохого сделали русские для киргизов?»)

Итак, культурный вклад русских оценен весьма высоко, но даже у этого, казалось бы, безусловно позитивного проявления цивилизации, принесенного русскими, есть обратная сторона — **потеря** киргизами, во многом невосполнимая, своей **самобытности**. Именно на это обратили основное внимание респонденты — русские и киргизы, отвечая на второй вопрос (см. табл. 2а и 2б).

Начнем с анализа позиции русских. Заметной количественной и качественной разницы в ответах респондентов двух групп нет; обращает на себя внимание лишь то, что в группе ориентированных на выезд семь человек сочли необходимым еще раз подчеркнуть, что русские плохого не делали, а только хорошее (эти ответы были включены в рубрику «ничего»).

Таблица 2а

Русские.
Смысловая структура ответов на вопрос «Что плохого сделали русские для киргизов?», в % к числу ответов

Основные смысловые блоки	Желающие остаться в Киргизии (N=124)	Ориентированные на выезд (N=170)
1. Ущемление; подавление самобытной культуры народа	19,4	15,9
2. Научили плохому, в том числе научили пить	11,3	9,5
3. Научили хорошему, которое обернулось плохим, вредным	5,6	4,7
4. Ничего плохого не сделали	34,7	37,6
5. Затрудняюсь ответить	21,0	18,8
6. Нет ответа	4,0	8,8
7. Разное	4,0	4,7
Всего	100,0	100,0

Киргизы.

Смысловая структура ответов на вопрос «Что плохого сделали русские для киргизов?», в % к числу ответов

Основные смысловые блоки	Мужчины (N=51)	Женщины (N=55)	Всего (N=106)
1. Вели развитие страны в неправильном направлении	7,8	0,0	3,8
2. Шовинизм, ущемление прав киргизов, комплекс превосходства	19,7	12,7	16,0
3. Потеря киргизами национального лица, подавление языка и традиций	11,8	10,9	11,3
4. Научили вредным привычкам (пить, курить)	11,8	18,2	15,1
5. Расправа с киргизами во время восстания 1916 г.	7,8	3,6	5,8
6. Ничего плохого не сделали	17,6	23,6	20,7
7. Затрудняюсь ответить	15,7	23,6	20,7
8. Нет ответа	0,0	5,5	2,8
9. Разное	7,8	0,0	3,8
Всего	100,0	100,0	100,0

Главная же содержательная рубрика объединяет здесь высказывания о негативном воздействии русских на киргизскую культуру и образ жизни, что привело к потере киргизами своего национального лица. Обращает на себя внимание высокая самокритичность респондентов; ответы более мягкие, нейтральные, уводящие мысль от субъекта воздействия и делающие акцент на результате — в меньшинстве («долгое время обучение в школах шло на русском языке»; «в городе киргизы перестали общаться на родном языке»; «киргизы стали забывать свои обычаи, культуру, язык»; «киргизы утратили элементы своей культуры»; «киргизами утрачена на некоторое время индивидуальность» и пр.). Преобладают высказывания с глаголами, весьма жесткими по отношению к русским — оторвали от..., запретили, лишили, навязали, поломали, уничтожили, помешали, заставили, искусственно прививали, вмешались в..., нарушили, задавили, — причем различий в этом отношении между желающими остаться и желающими уехать практически нет:

- оторвали их от кочевого образа жизни;
- запретили кочевой образ жизни;
- оторвали от национальных традиций;
- лишили национальной самобытности;
- навязали свою идеологию;
- навязали им свои устои: культуру, обычаи, и киргизы постепенно стали утрачивать свои традиции;
- лишили их родного языка, всячески игнорировали традиционную, веками сложившуюся культуру и свой путь развития;
- во многом поломали отношение к святому;
- изменили самобытность народа;
- лишили их самобытности;
- уничтожили киргизский быт;
- оторвали от самобытности;
- вмешались в свое время в дела их государства;
- помешали их самобытному развитию;
- заставили забыть свою культуру, задавили самобытность киргизов;
- навязали свой путь развития, лишили самобытной культуры, языка, тормозили развитие местных кадров;
- лишили их родного языка;
- искусственно прививали любовь ко всему русскому;
- навязали свой путь развития; в Бишкеке действовало лишь три-четыре школы на киргизском языке;
- вмешались в развитие киргизов;
- лишили национальных традиций, индивидуализма и т. д.

Высказывания, иначе построенные грамматически, идентичны по смыслу; в частности, активно используется слово «русификация»:

- заметно русифицировали все городское население, постепенно вытеснялись национальная культура, язык и т. д.;
- произошла сильная русификация киргизов;
- русификация в школах;
- чрезмерная русификация;
- была махровая шовинистическая национальная русская идеология;
- вмешательство в жизнь республики;
- вторжение в культуру народа;
- везде все было точно по-русски, а надо было наоборот.

Привлекает внимание один аналитический ответ, автор которого отстаивает идею недопустимости вмешательства высокоразвитых цивилизаций в ход развития культур иных народов, пусть даже и с благими намерениями:

«Насильно заставили задуматься о смысле их прошлой жизни, о необходимости изменить ее; надо было, чтобы они сами до этого “дошли”, тогда, может быть, не было бы такого отношения к русским как к “чужим”, которые, по их мнению, ничего хорошего для них не сделали».

Названы разнообразные формы подавления, выхолащивания национального естества, национального колорита. О том, как это реально выглядело в «жизни», я с интересом прочитала в серии статей Жыпара Жекшеева в газете «Res Publica», один из сюжетов которой — весьма драматическая история создания им в начале 1970-х гг., в бытность студентом художественного училища, неформальной молодежной организации, ставившей перед собой по нынешним меркам очень скромные и вполне безобидные цели возрождения киргизской культуры (группа была быстро разогнана силами местной партийной верхушки и КГБ). Интересно, что ребят с самого начала поддерживала известная исследовательница, «бабушка киргизской этнографии» Клавдия Антипина. Вот что рассказывает Ж. Жекшеев о тех временах, когда «не то, чтобы затронуть эти проблемы, а элементарно надеть колпак казалось настолько экзотическим, что психологически ты не всегда чувствовал себя уютно и удобно»: «Разве же не обидно, что кроме чисто внешнего облика, говорящего о нашей принадлежности к киргизской нации, у нас ничего не осталось? Почему мы вслепую копируем все, что делается в Москве?.. Начнем со школы. Неужели нельзя на уроке рисования, кроме того, что обучать перерисовывать листы или кувшины, обучить прекрасным навыкам народных мастеров... Ведь сегодня, если спросить школьников, что такое юрта, и то не каждый ответит. А на уроке физкультуры, кроме прыжков в длину и высоту, можно было бы обучать национальным видам спорта, связанным с верховой ездой... А посмотрите на наши города и села. Неужели человеческая фантазия стала настолько убогой, что на бескрайних просторах СССР, кроме как уныло однообразных домов, нет несущего в себе признаки национальной культуры здания?»²⁹.

Текстовой ряд мне хотелось бы дополнить более выразительным художественным, и в качестве иллюстрации я выбрала одну из картин уже упоминавшегося С. Чуйкова, талантливого советского художника, искренне любящего и понимающего Киргизию, землю, где он родился и работал всю свою жизнь. И все же много ли киргизского, кроме неизменных гор на горизонте, в картине «Утро» из серии «Киргизская колхозная сюита», центральной в творчестве художника (см. рис. 7)? Если отвлечься от черт лица изображенной женщины, судя по названию, колхозницы, ее практически не отличишь от доярки где-нибудь в Тамбовской или Рязанской области. Вспоминается моя первая поездка в Киргизию — в 1992 г., по сути, еще в советское время, на северное

Фото 7. С. А. Чуйков. Утро. Из серии «Киргизская колхозная сюита». 1947 г. Ист.: С. Чуйков. Из собрания Государственной Третьяковской галереи. М., 1986, с. 13

побережье Иссык-Куля — курортный, сильно русифицированный район. И тем не менее сельские киргизские женщины выглядели там значительно более «по-киргизски», чем на картине С. Чуйкова, написанной вполне в идеологически выдержанном интернационалистском духе в тот период, когда до перестройки было еще очень-очень далеко (1947 г.).

Следующая по удельному весу рубрика объединяет высказывания, фиксирующие внимание на том плохом, чему русские научили киргизов или (реже), на том хорошем, чему их научить не удалось. Здесь также проявилась самокритичность русских, правда, она не простирается до признания простой истины: плохому, как правило, никто специально не учит, а усвоение плохого происходит в режиме копирования недостатков воспитателей. В первую очередь это относится к неудачному заимствованию, чаще всего упоминавшемуся респондентами — «научили пить». Лишь два человека тут вспомнили и об «учителях»: «научили пить водку, русская национальная черта»; «познакомили с изнанкой русской культуры (пьянство и т. д.)».

Среди других усвоенных киргизами недостатков назывались следующие:

- научили не уважать старших, плохо работать;
  - слишком опекали; побольше бы им самостоятельности, а так — воспитали в некотором смысле иждивенцев; сейчас они только торговать и обманывать умеют;
  - отношение как к «младшему брату», который так и не вырос из коротких штанишек за 70 лет;
  - развратили этот народ;
  - разрушили многие этические установки;
  - научили быть иждивенцами у государства;
  - научили бездельничать, из ничего делать деньги и пить водку;
  - научили чинопочитанию;
  - не научили молодежь самостоятельности и интернационализму,
- и пр.

В целом доля респондентов, ощущающих свою вину перед киргизами, для «желающих остаться» равна доле тех, по мнению которых русские «ничего плохого не сделали» (34,7%), а для ориентированных на отъезд — несколько ниже (30,1 против 37,6%). Подсчеты были сделаны по двум уже рассмотренным рубрикам и рубрике «разное»: практически все вошедшие в нее ответы касались тех или иных негативных аспектов деятельности русских («репрессии, раскулачивание»; «нанесли экологический ущерб» и пр.).

Особое место среди ответов русских — и своей неоднозначностью, и отсутствием аналога среди мнений киргизов, — занимает рубрика № 3, не очень, правда, весомая по размеру. Эти ответы, судя по всему, нужно понимать не в прямом, а в переносном, метафорическом смысле, ибо формально речь идет не о плохом, а о том хорошем, что было сделано для киргизов:

- дали свободу;
- построили промышленные предприятия;
- ускорили темпы социального развития;
- довели до цивилизационного уровня и дали самостоятельность;
- они их учили;
- многому научили — читать, писать;
- принесли цивилизацию;
- заставляли их работать;
- принудили к труду — они ведь не любят работать;
- перетащили из феодализма;
- оторвали от феодализма;
- вытащили их из юрт;
- подняли экономику, переселили из юрт в дома, научили мыться;
- не дали возможности жить по своему желанию (в юртах) и др.

Ход мыслей респондентов состоит, как мне представляется, в следующем: делали хорошее, которое обернулось плохим и поэтому не стоило его делать; старались научить только хорошему, а оно не было в должной мере усвоено или «урок был не впрок». Под «плохим» результатом, как можно прочесть между строк, имеется в виду вред, нанесенный киргизам (чрезмерное и искусственное ускорение хода их общественного развития — последние пять высказываний), и некоторые респонденты искренне сожалеют об этом или же иронизируют — все равно «не в коня корм», «пусть бы кочевали дальше». «Хорошее» способно было обернуться «плохим» и против самих русских — подтекст приведенных ответов может состоять и в том, что жаль затраченных усилий, что русским от этих «свобод» и «самостоятельности» киргизов только хуже, что за все они оплатили неблагодарностью («все, что сделали хорошего, лучше бы не делали»).

Обратимся теперь к ответам киргизов, которые оценили последствия деятельности русских гораздо критичнее. Лишь одна пятая респондентов полагают, что «русские ничего плохого не сделали» (в сравнении с более чем одной третью русских). Выше, в особенности среди женщин-киргизок, процент тех, кто отметил заимствование от русских вредных привычек, причем в ответах киргизов речь идет в основном об алкоголизме, курении, сквернословии. А вот об искоренении киргизской культуры, языка, традиций, насаждении русскими своих порядков, игнорировании киргизов как нации, подавлении ее роста и инициативы киргизы говорили даже реже, чем русские респонденты (11,3% против 17,6%). Зато появились две отсутствующие у русских рубрики с претензиями более глобального характера, и мужчины-киргизы здесь выступили намного активнее, чем женщины. Так, исключительно из ответов мужчин состоит рубрика, в которой оценивается роль русских в развитии Киргизии в целом, в том числе и с экономической точки зрения:

- *Киргизию сделали сырьевой республикой;*
- *недостаточно развивали инфраструктуру в Киргизии;*
- *развитие страны вели в неправильном направлении.*

Самой же весомой содержательной рубрикой стала та, где собраны ответы, подчеркивающие постоянную дискриминацию киргизов и жесткую иерархичность в отношениях между ними и русскими:

- *проявляли шовинизм, господствовали здесь;*
- *держали нас все 70 лет в неволе;*
- *поступали как будто завоеватели;*
- *ни один первый руководитель республики не решал ни одного кадрового и других важных вопросов без Москвы; они командовали все время;*
- *шовинизм проявляли;*

- в свое время ущемляли права киргизов;
- дискриминация по национальному признаку;
- делили людей на нации;
- воспользовались неправильной политикой в межнациональных отношениях, чувствовали себя великими, указывали, принижали;
- раньше явно было заметно их превосходство во всем; могли указывать, обзывать;
- привыкли указывать, учить, даже если это некорректно, не к месту;
- некоторые из русских пренебрежительно к нам относились;
- ущемляли права, обзывали, унижали; если начальник был русский, киргизов не принимали на работу;
- при советской власти старшее поколение привыкло командовать, указывать, а для современной молодежи это нехарактерно, и пр.

Необходимо кратко остановиться и на небольшой группе респондентов (шесть человек), указавших на «массовое истребление киргизов» во время восстания 1916 г. Это событие, представляющее собой, пожалуй, самую болевую точку во взаимоотношениях русских (русскоязычных) и киргизов, до сих оценивается специалистами-историками весьма неоднозначно. Пиком общественного интереса к восстанию и последующему трагическому бегству киргизов в Китай стало лето 1991 г., когда довольно широко отмечалась его 75-я годовщина (по историческому стечению обстоятельств именно в это время, в августе 1991 г., была провозглашена независимость Киргизии). По мнению Абылабека Асанканова, отдельные состоявшиеся в это время националистические выступления киргизской молодежи, склонной считать виноватыми в гибели киргизов ныне проживающих в республике русских, не были поддержаны народом и не оказали существенного влияния на межгрупповые отношения³⁰. Результат опроса как раз и подтверждает этот вывод. Что касается русских, то, на мой взгляд, они не упомянули события 1916 г. в своих ответах потому, что публичный интерес к ним спал и сейчас они более активно обсуждаются специалистами, нежели муссируются в прессе. Возможно, на подсознательном уровне ими также отвергалась сама идея возложения на себя какой-либо ответственности за преступления «царизма», который, как все хорошо усвоили из школьной программы, был ничем иным, как «тюрьмой народов».

Итак, главным злом, принесенным русскими, и в этом сходятся во мнениях и опрошенные русские, и киргизы, стало подавление, искоренение народного духа, национальной культуры, ценностей, языка и пр. Возникает, однако, резонный вопрос, хотя во многом и риторический — как пошли на все это сами народы, над которыми был поставлен коммунистический «эксперимент»? Мы говорим именно о

советском времени: дальше него в глубь истории ответы респондентов не проникали, и, главное, в период Российской империи, как уже указывалось, по отношению к Центральной Азии проводилась политика «невмешательства», а при большевиках, наоборот, это вмешательство стало тотальным и всеобъемлющим.

Риторический характер вопроса состоит в расхожей, но оттого не менее правильной формуле «такое было время» — время, почти никому, и прежде всего массам простых людей, не оставившее никакого выбора; а судьба тех немногих, кто реализовал свое право на выбор, т. е. на вооруженное сопротивление, хорошо известна (это относится, естественно, не только к Центральной Азии, но ко всей территории СССР). В результате русификация в данном регионе, и в первую очередь среди кочевников, прошла с полным успехом, хотя и провоцировала, несмотря на многочисленные позитивные новшества, то пассивное неприятие людей, о котором говорилось выше и которое вышло наружу с распадом СССР.

Все эти рассуждения, однако, не означают, что киргизы именно так и интерпретируют свое участие в «эксперименте» — их восприятию своей роли и посвящена, среди прочего, следующая часть статьи. Закончить же эту часть хотелось бы замечанием о том, что при рассмотрении негативных культурных последствий «русского» присутствия в Центральной Азии нельзя сбрасывать со счетов соглашательскую позицию национальных элит, заинтересованных в сохранении и укреплении своей власти (об этом, кстати, не упомянул никто из опрошенных). Приведу в качестве иллюстрации отрывок из интервью с Владимиром Мокрыниным (26.08.99):

«В. М. Советская власть очень много добра сделала... Если разбить это на отдельные вопросы, то плохого осталось бы очень мало, только то, что в процессе этого добра она уничтожила национальную культуру.

Н. К. Да, русские в этом духе и отвечали... навязали свою культуру и пр.

В. М. Именно навязали... прошла русификация вместе с этим добром...

Н. К. Это что же, неизбежное зло?

В. М. Нет, наоборот; киргизские деятели считали, что это добро; зачем этот язык, зачем этот образ жизни, зачем эта наша культура традиционная? Нужно быть как русские, вот и всё... Нормальные киргизские деятели, которые занимались русификацией, чаще всего это был министр народного образования, они-то считали, что стыдно говорить по-киргизски: “Если ты русский язык знаешь, зачем же ты говоришь по-киргизски? Ты же не в айле, ты же в городе Фрунзе, понимаешь, так и говори, понимаешь, как человек!”».

В объятиях мифа («Что хорошего сделали киргизы для русских?»)

Начнем с ответов, прозрачных по своему смыслу и привлекающих внимание к культурному вкладу, культурному влиянию киргизов на русских. В интерпретации русских (см. табл. 3а), киргизы в большинстве случаев представлены **активной, дающей стороной** (а не так, что русские сами усвоили что-то полезное для себя). Запомним этот момент как знаковый для трактовки респондентами «хорошего», сделанного киргизами. Подбор глаголов и тональность вполне схожи с теми, которые использовались при описании вклада русских — «обогатили знания о жизни и культуре людей республик Средней Азии»; «познакомили с основами национальной культуры, национальной кухни»; «внесли киргизскую культуру»; «приобщили к своей культуре»; «приобщили русских к восточной психологии»; «обогатили внутренний мир русских культурой Азии»; «внесли весомый вклад в культуру народов, в том числе и русских»; «культурный обмен»; «объединение культурных традиций». О кулинарии, заимствовании сравнительно неглубоком, говорилось достаточно редко; в более конкретизированных ответах упор делался на морально-этических моментах:

— *научили своей культуре, уважению к старшим, доброжелательности;*

— *русские из Киргизии отличаются от остальных русских своим воспитанием, характером, т. е. сказывается традиционная восточная культура: терпимость, такт, уважение;*

— *они более коллективны и всегда действуют вместе — есть чему поучиться; уважают родителей и прежде всего — мать;*

— *киргизы очень сплоченный народ, дружный; это то, что можно и нужно позаимствовать русским;*

— *привили любовь к природе;*

— *научили азиатской предприимчивости;*

— *произошло слияние лучшего в воспитании подрастающего поколения, и пр.*

Примерно равная по весу и близкая по смыслу рубрика присутствует и в ответах киргизов (см. табл. 3б):

— *обогатили духовно;*

— *русские позаимствовали очень хорошие традиции киргизов;*

— *русские стали под влиянием киргизов более человечными по отношению к старшим;*

— *научили киргизскому гостеприимству, познакомили со своей культурой, и пр.*

Таблица 3а

Русские.
Смысловая структура ответов на вопрос «А что хорошего сделали киргизы для русских?», в % к числу ответов

Основные смысловые блоки	Желающие остаться в Киргизии (N=129)	Ориентированные на выезд (N=173)
1. Многое	0,7	1,7
2. Познакомили со своей культурой, межкультурный обмен	17,1	11,0
3. Приютили; приняли все новшества	27,1	23,1
4. Не навязывали своего, своей культуры	5,4	5,2
5. Сейчас (пока) все хорошо, нет обострения межнациональных отношений	8,5	10,4
6. Ничего хорошего не сделали	10,1	13,3
7. Затрудняюсь ответить	25,6	25,4
8. Нет ответа	1,6	6,4
9. Разное	3,9	3,5
Всего	100,0	100,0

Достаточно часто встречающиеся ответы русских в рубрике № 3 под кодовым названием «приютили» так же выглядят достаточно прозрачными, одномерными — положительная роль киргизов здесь очевидна как с человеческой, так и исторической точек зрения. Речь идет о годах войны, об отношении к попавшим в Киргизию ссыльным и т. д.: «приютили во время сталинских репрессий»; «приютили в годы войны»; «поделились кровом и хлебом в трудные времена»; «на этой территории находили приют те, от кого избавлялись в России»; «изгнанные со своей родины люди нашли здесь приют (после раскулачивания), а также в другие исторические периоды»; «во время войны приняли как родных» и т. д. В высказываниях киргизов этот мотив тоже присутствует, причем это самая представительная рубрика (18,4% ответов). Основная мысль киргизов состоит в том, что они «приняли и вместили русских как своих», «всегда доброе отношение проявляли», «гостеприимно встречали», «как своих близких приняли» и т. д.

Чувства людей, отвечающих в таком духе, вполне понятны, особенно русских. Родители (деды) немалой части русскоязычных респондентов, судя по ответам на другие вопросы анкеты, попали в Киргизию как ссыльные, раскулаченные, эвакуированные, спасаясь

Киргизы.
Смысловая структура ответов на вопрос «А что хорошего сделали киргизы для русских?», в % к числу ответов

Основные смысловые блоки	Мужчины (N=48)	Женщины (N=55)	Всего (N=103)
1. Происходило взаимное обогащение народов	2,1	3,6	2,9
2. Русские переняли хорошие традиции киргизов	14,6	14,6	14,6
3. Приняли как братьев, с дружелюбием, гостеприимством	20,8	16,5	18,4
4. Создали условия для свободной жизни и свободного развития русских (киргизы как активная сторона)	14,6	12,7	13,6
5. «Не мешали, делали все, что они говорили» (киргизы как пассивная сторона)	6,3	0,0	2,9
6. Оказывали материальную помощь	12,5	20,0	16,5
7. Не притесняли, не ущемляли их права (раньше)	8,3	1,8	4,9
8. Не притесняют (сейчас)	2,1	0,0	1,0
9. Затрудняюсь ответить	12,5	23,6	18,4
10. Нет ответа	0,0	3,6	1,9
11. Разное	6,2	3,6	4,9
Всего	100,0	100,0	100,0

от голода и т. д., поэтому не исключено, что, говоря о доброте и гостеприимстве киргизов, они опираются и на конкретные факты из семейной биографии. И все же в данной группе ответов нельзя не видеть и важный социальный подтекст — следы приверженности мифологии советского времени.

Вот как прокомментировал обсуждаемый сюжет В. Мокрынин (26.08.99):

«Это все отголоски мифа о том, что была такая общность, советский народ... Это в нашей коммунистической пропаганде постоянно муссировалось, что во время войны, когда бедствовали народы Украины, России, Белоруссии, здесь наши народы дали приют, дали кров, дали хлеб и т. д. Да какое там “приютили”! Просто приходили люди из соответствующих органов, выселяли, разграничивали... Конечно, было и человеческое участие, но главное, что все организовывалось сверху. В этот город вселяется столько-то и оттуда-то, вместе с заводом... И местные

жители обязаны были их принять, но это преподносилось как личная готовность киргизов, узбеков и т. д. Это полный нонсенс, когда говорят, что киргизы что-то там разрешили. Они бы ни за что не разрешили, если бы их спрашивали, если можно было бы выбирать...».

Мифологизация присутствует и в остальных содержательных ответах той и другой стороны, однако «докопаться» до ее истоков уже не так легко, прежде всего потому, что и киргизы, и русские играют тут в своеобразную психологическую игру, правда, с разными целями и разными мотивациями. Киргизы демонстрируют, на наш взгляд, игру воображения — инструмент, **мифологизирующий** и таким образом **«подправляющий»** достаточно болезненную для этнического самолюбия **историческую правду**.

Действительно, посмотрим на достаточно весомые (13,6 и 16,5% ответов) рубрики № 4 и 6 (таблица 3б), в которых киргизы описывают свою реакцию на появление русских в категориях, более чем далеких от реальности — «создали условия», «дали возможность», «дали право» и пр.:

- *создали условия для свободного проживания в Киргизии;*
- *дали возможность освоиться на самых лучших землях нашей территории;*
- *предоставили необходимые условия, обеспеченную жизнь;*
- *создали условия для спокойной жизни;*
- *дали право жить в Киргизии;*
- *дали возможность жить, работать, учиться как они хотели; все им позволяли;*
- *давали им все необходимое;*
- *дали землю;*
- *предоставление работы, жилья, образования;*
- *вместили их на своей земле, давали возможность развиваться по всем направлениям;*
- *решили социально-экономические проблемы, и т. п.*

Интересно, в ответах русских также присутствует немало формулировок подобного рода, некоторые из которых дословно совпадают с ответами киргизов (самая весомая количественно часть рубрики № 3 — «приняли все новшества», см. табл. 3а).

Общий смысл этих высказываний киргизов сводится к тому, что они «предоставили свою территорию для советского эксперимента», «приняли русских в своей стране», «разрешили» всем пользоваться, «позволили жить на своей земле» и в итоге «позволили осуществить задуманное» и даже сами кое в чем поучаствовали: «активно подключились к работе, переняли самый лучший опыт»; «всегда шли навстре-

чу с особой охотой, воспринимали культуру, быт, вместе строились, обзаводились»; «благодарно отнеслись ко всем приводимым новшествам», «охотно шли навстречу всему прогрессивному со стороны русскоязычного населения» и т. д. В общем, «терпимо отнеслись к революционным экспериментам России».

Если то, что киргизы постепенно начали осваивать все новшества, «помогали строить новую жизнь на местах», вполне правдоподобно, вряд ли можно всерьез говорить о том, что они «дали землю», «дали жилье, работу», «обеспечили жильем», «создали условия для жизни» и пр.

Киргизы представлены здесь чуть ли не главной принимающей решения стороной и главными распорядителями находящихся на их территории материальных ресурсов. Однако любому здравомыслящему человеку, прожившему большую часть жизни при социализме (а именно таковыми и являются респонденты), понятно, как функционировала тоталитарная Система: никто не спрашивал никаких разрешений у простых людей, будь-то киргизы, русские и прочие, а любые возникающие, в основном на начальном этапе, попытки сопротивления и неповиновения безжалостно подавлялись. Если же говорить о более раннем периоде вхождения киргизов в состав Российской империи, то картина тут, естественно, сложнее — среди северных племен многие сделали это не просто добровольно, а сами активно искали заступничества России; южные киргизы оказывали вооруженное сопротивление и их пришлось «усмирять» силой; однако при любом варианте развития событий решения принимались вождями, *мананами*, а «позволения» у простых киргизов опять же никто не спрашивал.

Почему же тогда были получены ответы, идущие, казалось бы, вопреки здравому смыслу? Если говорить о киргизах, то мы имеем дело, на наш взгляд, со своеобразной формой **мифологизированного сознания**. Под «мифом», или, точнее, социально-мифологической конструкцией, тут понимается не просто то, чего не было в жизни; а особое психологическое состояние человека, исторически и культурно обусловленное и выполняющее компенсирующую, примиряющую функцию: «это такое состояние сознания, которое является нейтрализатором между всеми фундаментальными культурными бинарными оппозициями, прежде всего между жизнью и смертью, правдой и ложью, иллюзией и реальностью»; оно возникает тогда, когда человек «долго не может психологически удерживать в себе... непосильное для него знание»³¹.

В отличие от мифов глобального уровня, пронизывающих все общество и создаваемых мощными многолетними усилиями официальной пропаганды (как уже упомянутый миф о великом советском народе), тут имеет место скорее **самопроизвольная**, но тоже **компенсаторная реакция** отдельной этносоциальной группы, переживающей фазу возрождения этнического самосознания. Киргизы, если можно так вырази-

итесь, играют на повышение — повышение своего нынешнего статуса через реконструирование прошлой исторической роли; они как бы приподнимают, активизируют свой образ, приближая его таким способом к воплощаемому русскими активному, деятельному началу (весьма сдержанные оценки цивилизационного вклада русских выполняли ту же функцию, но уже с другого конца, через «понижение» образа «другого»).

«Игра на повышение» присутствует, на мой взгляд, и в небольшой группе ответов, выделенных в рубрику № 7 — не притесняли, не ущемляли права русских и т. д. (подтекст — а ведь могли бы это делать). Лишь очень немногие из киргизов (трое мужчин) дали ответы, отражающие реальное положение вещей (рубрика № 5, табл. 3б): «никогда не мешали русским»; «делали все, что они [русские. — Н. К.] говорили»; «русские получили все, что хотели».

А что же русские? Как мне представляется, их ответы свидетельствуют о том, что они включились в игру, как бы подыгрывают киргизам. Причем это, судя по всему, не экспромт для анкеты, а достаточно устойчивая реакция русских в ответ на известную им позицию киргизов — ведь респонденты той и другой стороны, незнакомые друг с другом, дали во многом совпадающие ответы (либо дословно, либо по своей тональности). Опять же, как и у киргизов, число реалистичных (ироничных) ответов крайне невелико: «предоставили себя для эксперимента — заехали в социализм без особых затрат»; «всегда исполняли приказы "старшего брата"»; «"разрешили" русским жить с ними».

«Подыгрыванием» можно считать не только уже упомянутую группу ответов в духе «киргизы создали условия» и т. п., но и, к примеру, рубрику № 4 (см. табл. 3а) «не навязывали своего, своей культуры», имеющую прямую аналогию с ответами киргизов:

- не мешали жить, развиваться;
- давали возможность жить свободно;
- не притесняли [русских. — Н. К.] и не угнетали чувство собственного достоинства, не делали различий между киргизами и русскими;
- не досаждали своей культурой и бытом;
- не распространяли свою культуру на русскоязычных;
- не делали и не притесняли нас в чем-то, не унижали собственного достоинства;
- не навязывали своего образа жизни, и т. д.³²

Что касается мотиваций «подыгрывания», то они могут быть весьма разнообразными; для кого-то это стремление, возможно, неосознанное, гармонизировать прошлые контакты и таким образом несколько уменьшить груз «русификаторской» вины; кто-то, наверное, действует по принципу «пусть будет так, если это вам приятно», что

тоже является своеобразным желанием гармонизировать отношения, но уже в настоящем. Не исключено, что в подтексте ответов «не навязывали» лежит следующее: «тогда этого не делали, это хорошо, а почему же сейчас делаете?», хотя очевидно, что «тогда» у киргизов не было никакого выбора и ничего «навязывать» русским они не могли.

Могут быть и иные интерпретации, но русские явно ищут возможность дать какой-либо ответ, т. е. найти в поведении и отношении киргизов что-то хорошее, позитивное — пусть это многим не удалось, но все-таки гораздо больше таких респондентов нашли выход в нейтральном «затрудняюсь ответить» (около 25%), чем в однозначно негативном «ничего хорошего не сделали» (около 11%).

А русские, ответившие-таки на данный вопрос, стремятся, тем ли, иным ли способом, сознательно или неосознанно, но **активизировать образ «другого»**, своих главных этнокультурных партнеров, и тем самым пытаются **преодолеть жесткую иерархичность прежних стереотипов**, прежнее видение киргизов лишь пассивным, воспринимающим, берущим началом. Собственно, такая активизация как элемент массового сознания, пусть в действительности до этого еще далеко, является совершенно необходимым, хотя и недостаточным условием нормального межгруппового диалога. Русские респонденты в поисках опоры либо обращаются к реально существующему «позитиву» (положительное культурное воздействие киргизов), либо, обобщая опять же реальный опыт конкретных людей («приютили»), оказываются вместе с киргизами в объятиях расхожего советского мифа; либо подыгрывают киргизам на этот раз уже в их собственном мифотворчестве.

Проблем много, а виноватых нет («Что плохого сделали киргизы для русских?»)

Ответы на данный вопрос и русских, и киргизов были самыми легкими для анализа, во-первых, в силу упрощенной смысловой структуры (всего две содержательных рубрики, см. табл. 4а и 4б), и во-вторых, по контрасту с предыдущим вопросом, позиции двух сторон здесь наиболее поляризованы.

Суть содержательных ответов русских сводится к перечислению разнообразных проявлений дискриминации и ущемления их прав в постсоветский период. Все они были объединены в рубрику № 1 «национализм, дискриминация и пр.». Здесь можно встретить достаточно общие формулировки («ущемление прав русскоязычного населения»; «подняли вопрос о национальности»; «в последнее время стали проявлять националистические амбиции»; «отношения в последние годы стали не как раньше» и т. д.) или еще проще: «национализм», «изме-

Таблица 4а

Русские.
Смысловая структура ответов на вопрос «А что плохого сделали киргизы для русских?», в % к числу ответов

Основные смысловые блоки	Желающие остаться в Киргизии (N=128)	Ориентированные на выезд (N=172)
1. Национализм, дискриминация, ухудшение межгрупповых отношений	31,3	45,3
2. Осторожно-оптимистические оценки межнациональной ситуации	3,9	1,2
3. Ничего плохого не сделали	26,5	20,3
4. Затрудняюсь ответить	28,9	25,6
5. Нет ответа	5,5	5,8
6. Разное	3,9	1,7
Всего	100,0	100,0

нили свою национальную политику». Более широко представлены детализированные ответы, в которых называются конкретные проявления дискриминации или те сферы жизни, в которых русские ощущают ее наиболее остро.

Так, говорится **о языковой политике**:

- *введя киргизский язык как единственный государственный, поставили русскоязычное население в сложное положение;*
- *ввели киргизский язык как государственный, а как ему научить — не знают;*
- *ввели киргизский язык как государственный, и отсюда все и началось, и т. д.*

Перечислим и другие проблемы, беспокоящие респондентов. Русские почувствовали свою **ненужность**:

- *напомнили русским, что их Родина — Россия;*
- *мы почувствовали, что можем быть ненужными;*
- *напомнили русским об их исторической Родине;*
- *мы почувствовали, что можем быть ненужными (перемены власти), что мы не дома.*

Киргизы заняли лучшие места, **дискриминация на рынке труда**:

- *не дают занимать высокие должности;*
- *стали своих на лучшие места загонять;*

- все руководящие роли постепенно стали ими захватываться;
- недоступность определенных должностей и профессий;
- методично перекрывают путь по службе;
- не пропускают на ведущие должности, подъем по служебной лестнице;
- стали домогаться руководящих постов;
- национальность играет большую роль при устройстве на работу, при поступлении в вузы;
- киргизы считают, что в советское время русские захватили лучшие места, квартиры, земли и теперь стараются отыграться.

Киргизия стала **независимым государством**:

- отделились от России, стали суверенным государством;
- выход из состава России [видимо, имеется в виду СССР. — Н. К.];
- изолированность от России.

Киргизы стали **хуже относиться к русским**:

- обострение отношений;
- стали все более замыкаться в себе и нередко проявлять недружелюбность;
- стали немного агрессивнее, недоброжелательны, особенно после перестройки;
- отношения изменились сразу же после 1991 г. во всех социальных вопросах;
- после этого суверенитета и независимости отношения стали неважными;
- много говорят о том, что русские плохие и не дают им спокойно жить;
- наплевали на них [русских. — Н. К.] и до сих пор это делают, и т. д.

Киргизы **выживают русских, провоцируют миграцию**:

- сократили число русских в Киргизии;
- создали такие условия, что русскоязычному населению приходится уезжать с насиженных мест;
- вынудили уехать;
- твердят «уезжайте в свою Россию»;
- выгоняют нас;
- не воспрепятствовали массовой миграции;
- планомерно выживают русских из страны;
- поставили их в жесткое положение, начиная с 1990 по 1995 г., что привело к их массовому отъезду;
- пытаются согнать с тех мест, которые для многих стали уже малой родиной, и т. д.

Если говорить о различиях между остающимися и желающими уехать, именно здесь количественный разрыв наиболее заметен, причем по ключевому показателю — существенно больше последних обвиняет киргизов в ущемлении, ухудшении отношений и т. д., чем среди первых. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что желающие уехать нарисовали более многообразную картину дискриминации, упомянули большее число ее проявлений. Кроме того, лишь среди женщин, стремящихся уехать, нашлось две респондентки, которые ответили «многое» и «всё»; у этой же категории опрошенных высказывания наиболее жесткие и безапелляционные:

- *езде не дают работать и жить, все делается негласно;*
- *забрали свободу у русских;*
- *воспитывают в детях чувство ненависти к русским;*
- *убивают, насилуют русских девушек, оскорбляют, унижают;*
- *после введения киргизского языка везде на работу стали принимать людей, знающих его.*

В ответах небольшой по удельному весу рубрики № 2 (см. табл. 4а) ухудшение межгрупповых отношений фиксируется с либо с оговорками, несколько оправдывающими киргизов («немного стали злее; может, потому, что время изменилось»), либо респонденты подчеркивают, что свои претензии они не распространяют на всех киргизов, на весь народ:

- *возможно, нынешнее время создало большие трудности в отношениях этих народов, но вскоре они улучшатся;*
- *изменили свою политику, а теперь вновь выправляются;*
- *да, отношения изменились только за последние пять лет, но это вина некоторых политиков, местных националистов, некоторых подлецов;*
- *плохое проявляется только в бытовом национализме и то в основном только среди сельских киргизов;*
- *ничего, кроме того, что поднимают голову киргизские националисты;*
- *это все подогревается политиками и интриганами, и виной не киргизский народ.*

Итак, хотя анализируемый вопрос, в отличие от остальных трех, затронул для русских сложные реалии сегодняшнего дня, всколыхнул в сознании насущные заботы и тяжесть постсоветского бытия, далеко не все, а лишь менее одной трети (для желающих остаться) и около 38% (в среднем для выборки) поспешили обвинить в этом киргизов. Тех же респондентов, кто в этих обстоятельствах все-таки ответил, что киргизы «ничего плохого не сделали», не меньше, а даже чуть больше (а для желающих остаться — заметно больше) в сравнении с долей

Таблица 46

Киргизы.
Смысловая структура ответов на вопрос «А что плохого сделали киргизы для русских?», в % к числу ответов

Основные смысловые блоки	Мужчины (N=46)	Женщины (N=50)	Всего (N=96)
1. Некоторые проявления национализма	13,0	8,0	10,3
2. Научили плохому	4,3	0,0	2,1
3. Ничего плохого не сделали	50,0	58,0	54,2
4. Затрудняюсь ответить	26,2	28,0	27,1
5. Нет ответа	2,2	6,0	4,2
6. Разное	4,3	0,0	2,1
Всего	100,0	100,0	100,0

киргизов, ни в чем не обвинивших русских в их — уже прошлых, — деяниях (соответствующие цифры — 24,8 и 20,7%; 26,5 и 20,7%).

Интересно также, что именно здесь самой высокой оказалась доля затруднившихся с ответом, особенно среди желающих остаться (примерно 29%), хотя ответ на четвертый вопрос, казалось бы, лежит на поверхности: все «плохое» связано с событиями последних лет, когда киргизы круто «переложили руль». Видимо, это связано не только с неохотой людей говорить о неприятных для себя обстоятельствах жизни, но и с нежеланием обвинять другую сторону (в первую очередь это может касаться «остающихся»).

А вот когда речь заходит о способности «на себя оборотиться», русские **проявляют явно большую самокритичность** — чуть выше одной трети респондентов (36,7%) ответили, что они киргизам «ничего плохого не сделали»; а среди всех опрошенных киргизов таких более половины (54,2%), среди женщин-киргизок — 58% (см. табл. 46).

Лишь около 10% опрошенных киргизов сочли возможным назвать то «плохое», что в конечном итоге и подняло с насиженных мест в первые постсоветские годы десятки тысяч русских. Однако эти респонденты были в своих оценках очень сдержанны и прибегали зачастую к различным оговоркам («иногда», «некоторые»):

— *были проявления бытового национализма, но в масштабе нации ничего;*

— *если не считать бытовые конфликты, ничего не сделали;*

— *иногда выпившие ребята угрожают русским (отдельные люди);*

- после введения государственного языка многие реагировали и некоторые задевали русских;
- иногда проявления агрессивности на бытовом уровне;
- в последние годы были моменты плохого отношения к ним;
- может быть, то, что сделали один киргизский язык государственным;
- когда суверенитет приняли, решили отгородиться от русских; это неправильно было;
- не отнеслись к ним терпимо.

* * *

Хотя промежуточные выводы уже были сделаны в тексте главы, а приведенный материал, в силу своей многозначности и многослойности, нуждается в дальнейшем осмыслении, сделаем еще несколько обобщающих замечаний.

1. Слабые различия между группами «желающих остаться» и «желающих уехать» при ответах на вопросы абстрактно-исторического характера контрастируют с выявленным в Киргизии очень заметным водоразделом между группами по большинству характеристик сознания и поведенческих моделей. Объяснение, видимо, состоит в том, что большая часть вопросов использованной и в 1996, и в 1998 гг. анкеты были в основном привязаны к текущей социально-экономической/политической ситуации и носили персонализированный характер; зато четыре рассмотренных здесь вопроса были повернуты в прошлое и не касались личного опыта респондентов. В том единственном случае, когда ответ на вопрос о негативном влиянии киргизов неизбежно должен был затронуть повседневную жизнь людей, и имело место заметное расхождение позиций двух групп.

2. Русские (русскоязычные) респонденты выглядят достаточно консолидированной группой, **выступающей со взвешенными оценками и суждениями**, в которых, с одной стороны, практически отсутствуют такие крайности, как **шовинизм, этническая неприязнь**, а также **самовозвеличивание**; с другой стороны, **комплекс неполноценности и сопротивляющие его чувства стыда, униженности** и пр.

Проведенный анализ позволяет оспорить, во-первых, чрезмерный негативизм в оценках психологического состояния русскоязычных после распада СССР и, во-вторых, этноцентрированное стремление вывести на первые места в ряду их поведенческих мотиваций соображения «этнической ущербности» (правда, в какой-то мере данные перегибы можно оправдать борьбой против пресловутого «экономического детерминизма»). Обратимся, например, к выводам Надежды

Лебедевой, которая пишет, ссылаясь на свое исследование в семи странах нового зарубежья: «многие наши соотечественники переживают острый психологический кризис, связанный с утратой “чувства Родины”, с утратой позитивного ощущения своей этнической принадлежности, ощущением своей “второсортности” и ненужности на земле, которой многие из них отдали всю свою жизнь. Несмотря на то, что большинство опрошенных сохранило позитивные чувства, связанные с этнической принадлежностью, **многие (особенно в странах Балтии) испытывают минорные чувства (обиду, стыд, ущемленность, униженность)** [выделено мной. — *Н. К.*]»³³. Кстати, а как в рамках этого образа мыслей «оприходовать» чувства нерусских, но других русскоязычных (украинцев вне Украины, евреев, немцев, татар и пр.), положение которых в национализирующихся государствах ничем не отличается от положения собственно русских?

Подспудная, возможно, не всегда осознаваемая авторами логика подобных рассуждений могла быть следующей: глубинные комплексы сознания обладают значительной инерцией по отношению к меняющейся внешней среде, и потому долгое время будут воздействовать на поведение людей (в нашем случае — выталкивать их из новых независимых государств). Вот весьма безапелляционное высказывание, как нельзя лучше иллюстрирующее мою мысль: «Инверсионный переход от колониально-патерналистского менталитета к **комплексам горимого меньшинства (а это стандартная черта нынешнего мироощущения русскоязычных граждан среднеазиатских государств)** [выделено мной. — *Н. К.*] толкает русские диаспоры к самоликвидации. Это только вопрос времени»³⁴.

Но вернемся к позиции Н. Лебедевой. О «чувстве родины» среди русскоязычных я уже писала ранее и еще вернусь к этой теме в последнем разделе книги. А что же с чувством этнической неполноценности? Приводимые ею данные опять вызывают сомнения — и из-за специфичности выборки (подр. см. гл. 1 наст. раздела), и потому, что вопрос «Какие чувства и эмоции Вы испытываете от сознания своей этнической принадлежности?» предполагал, судя по его формулировке и полученным цифрам (превышающим 100%), возможность выбора респондентом нескольких опций. Значит, полученные проценты нельзя складывать, что, однако, все же делает автор и получает, например, такой результат для Эстонии — «в 71% случаев наши респонденты испытывают негативные чувства, связанные с этнической принадлежностью (обиду, вину, стыд, ущемленность, униженность)»³⁵. А ведь все это разные «подсказки»! Не замедлил появиться и вывод — «острый кризис этнической идентичности».

Вряд ли можно спорить с тем, что русскоязычные оказались после распада СССР в очень сложном положении, в том числе и психо-

логическом. Но правильным ли будет, повторю опять свою мысль, маркировать стоящие перед ними проблемы как главным образом **этнические**, пусть даже на поверхности явлений, в глазах обывателей это так и выглядело? Впрочем, при использовании репрезентативной выборки мы не найдем в ответах на аналогичный вопрос почти никакой униженности, стыда и пр. При всех «но» и «если» закрытых количественных методик вопрос, заданный «в лоб», показал такой же расклад в самооощениях русскоязычных (пусть и без множества интересных нюансов), что и предпринятая мной попытка «подобраться с боку» (см. табл. 5).

Наиболее массово разделяемые эмоции связаны с гордостью (но почти без превосходства); чувство «этнической неполноценности» испытывают очень немногие (кстати, и в Эстонии тоже), но довольно сильно ощущение нестабильности (еще бы, ведь только недавно все рухнуло!) и поэтому — никакой уверенности. Несмотря на этническую окрашенность вопроса, среди негативных эмоций доминируют опасения, скорее всего связанные не с этнической принадлежностью, а с резким понижением статуса «своей» группы в условиях глобального

Таблица 5

«Какие чувства вызывает у Вас принадлежность к русскому народу?» (%)*

Варианты ответа	Киргизия		Литва	Эстония
	город	село	город	город
Чувство ущемленности, униженности	6	3	12	9
Стыд	5	4	3	4
Гордость	57	47	48	44
Вину	2	6	2	3
Нестабильность	15	15	34	23
Превосходство	6	10	2	2
Уверенность	—	—	—	—
Другие	2	3	4	2
Никаких	10	9	10	9
Затруднились ответить и нет ответа	8	6	13	13

* Итог не составляет 100%, поскольку респондент мог выбрать несколько вариантов ответа на данный вопрос

Источник: Русские в новом зарубежье: итоги этносоциологического исследования в цифрах. Отв. ред. С. Савоскул. М., 1996. с. 95.

постсоветского хаоса и непредсказуемости (исследование, напомним, проводилось учеными Института этнологии РАН в начале 1990-х гг.).

В этой связи более адекватной мне видится апелляция не к этнической, а, шире, к социальной идентичности; в частности, встречающаяся и у той же Н. Лебедевой идея о том, что важным стимулом к миграции становилась неудовлетворенная потребность личности в самоуважении³⁶. Правда, тут не учтены фактор времени и различия позиций русскоязычных. Уехавшие на пике миграционной волны, возможно, и действовали в рамках этой парадигмы, а вот оставшиеся? Русские, опрошенные в Бишкеке в конце 1996 г., уже в достаточно стабильный период, явно не производят впечатление людей, утративших самоуважение. В то же время они не демонстрируют и многократно приписываемого русским в Центральной Азии «упертого» комплекса превосходства.

3. В контексте последнего замечания напрашивается важный вывод о том, что стереотипы и установки массового сознания — какими бы незыблемыми, имманентными тем или иным группам и жестко привязанными к тем или иным объективным обстоятельствам они ни казались, подвержены пусть медленным, но верным адаптационным изменениям. И познается это лучше всего в сравнении. Так, в сравнении с ответами киргизов на аналогичные вопросы видно, что русские заметно дальше отошли в своих суждениях и оценках от края шкалы (пресловутого комплекса превосходства), чем киргизы отошли от своего аналога — комплекса национальных обид и чувства униженности. У русских высокая оценка своей роли в Центральной Азии сочетается с достаточно выраженной самокритичностью в признании собственных ошибок; у киргизов же налицо стремление принизить чужие достижения (естественная защитная реакция) и «не замечать» свои просчеты; они пытаются приподнять, активизировать образ «себя», а русские — образ «другого». И происходит все это совсем не потому, что русские в принципе более гибки и адаптабельны. Просто в сложившихся социально-экономических обстоятельствах они оказались перед лицом гораздо более жестких императивов — «жизнь заставляет». Более того, действует не только общий постсоветский фон, но и конкретная страновая ситуация — как было показано в предыдущих разделах книги, в Киргизии явно дает о себе знать тенденция к интеграции русскоязычных в местный социум. Особо важен поэтому межстрановой анализ самооощущений русских и их динамики³⁷.

4. Казавшиеся незыблемыми стереотипы массового сознания обладают изменчивостью не только во времени, но и в пространстве. И относится это не только к русским, но и к их основным этническим партнерам на той или иной территории — к титульным группам, пусть они и связаны общностью исторических судеб в последние полтора

столетия и в особенности в советский и постсоветский периоды. И познается эта изменчивость опять-таки в сравнении. Очень показательны в данном отношении результаты синхронного по времени интервьюирования 120 таджиков (Ленинабадская область), являющие нам качественно иную модель восприятия себя и русских.

Контрастность ответов таджиков и киргизов на одинаково сформулированные вопросы усиливается тем, что вопросы о «хорошем» и «плохом» задавались не коренным жителям Худжанда (бывший Ленинабад и область, находящиеся на севере страны, в наименьшей степени оказались затронуты гражданской войной и последующей разрухой), а таджикам-мигрантам, чье переселение в город так или иначе инспирировалось военными действиями и сопутствующими трагическими событиями.

Говоря о вкладе русских в развитие Таджикистана, около 37% респондентов лаконично ответили, что они сделали «всё» или «очень много хорошего», а многочисленные более развернутые формулировки зачастую носили почти панегирический характер:

- *сделали переворот: ум, культура, строительство;*
- *все, что хорошее есть у нас — это благодаря русским;*
- *без русских нет жизни — культура, знания, опытность;*
- *очень много; не будь их, мы были бы закабаленными;*
- *все, что имеет Таджикистан;*
- *Таджикистан расцвел руками и умом русских;*
- *все хорошее, что есть в настоящее время у таджиков;*
- *принесли цивилизацию;*
- *сыграли ведущую роль в прогрессе Таджикистана;*
- *Таджикистан сделали русские, и т. д.*

Более 67% респондентов полагали, что русские для таджиков «ничего плохого не сделали» (у киргизов, напомним, таких было всего 20,7%). Картину запоздалого раскаяния и осознания тяжести потерь последнего времени довершают ответы на вопрос «Что плохого сделали таджики для русских?», очень самокритичные и почти не содержащие оправдывающих оговорок:

- *создали политическую ситуацию, чтобы они уехали;*
- *не были чуткими к их переживаниям за последние годы;*
- *не проявили должной заботы и внимания в период до и после конфликта;*
- *начали их вытеснять;*
- *убивали, издевались во время гражданской войны;*
- *жить не дали;*
- *избивали, уничтожали в последние годы;*
- *из-за войны пострадали, из-за них покидают родные места;*

- угнетают;
- в настоящее время превратили в людей второго сорта;
- сам факт миграции от нас;
- сильно обидели;
- проявления шовинизма;
- не дали уверенности почувствовать себя земляками на таджикской земле, и т. д., и т. п.

Ответы подобного содержания и тональности составили самую весомую группу — около 50% (в сравнении с примерно 12% самокритичных ответов киргизов). Однозначная жесткость ситуации, типичной для постсоветского Таджикистана (ведь война не терпит полутонов), видимо, предопределила тот факт, что почти у всех респондентов-таджиков сформировалась четкая позиция по данному вопросу — затруднились с ответом лишь примерно 11% (у киргизов — 27%), а около 39% сочли, что таджики «ничего плохого не сделали» (у киргизов таких ответов было свыше 54%).

Выявленные особенности мироощущения киргизов, видимо, являются «модельными» для страны с достаточно стабильной социально-политической ситуацией, каковой Киргизия являлась в течение всего изучаемого периода. Во многом благодаря этому обстоятельству и удалось сохранить большую часть проживавших здесь русскоязычных, иначе не смогли бы вступить в действие механизмы экономической и психологической адаптации. Однако, как нет худа без добра, так нет и добра без худа. Свообразной «платой» за стабильность является то, что психология титульной группы, при условии сохранения прежних тенденций, будет медленно и постепенно проходить обычные стадии «постколониальной» эволюции, стартовой точкой которой был резкий всплеск национального самосознания в период до и в первые годы после распада СССР. Таджики же, «благодаря» трагедии гражданской войны и угрозе раскола страны, перешли к стадии отрезвления гораздо быстрее, но, увы, выстраивать разумный межкультурный диалог им теперь почти не с кем.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В 2000 г. область стала называться Согдийской.

² Работа с таджиками проводилась сотрудниками Отдела стран СНГ Института востоковедения РАН в рамках международного научного проекта по изучению постсоветских этнических миграций (1995–1997 гг., грант ИНТАС 98-МО43).

³ Под «культурой», термином, используемом здесь в научном, т. е. самом широком смысле и близком термину «общество», имеется в виду характерный именно для человека, в отличие от животных, способ организации материального и духовного про-

странства (см., напр.: *Белик А. А.* Культурология. Антропологические теории культур. М., 1999. С. 9–11).

⁴ При беседах с киргизами важно было исключить намек на причастность российских ученых, поэтому интервьюирование было представлено как инициатива Национальной академии наук Киргизской Республики.

⁵ Из заметных работ этого направления стоит назвать следующие коллективные монографии: «Россия в XX веке. Проблемы национальных отношений». Под ред. А. Н. Сахарова, В. А. Михайлова. М., 1999; «Национальные истории в советском и постсоветском государствах». Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. М., 1999, а также книгу С. Константинова и А. Ушакова «История после истории. Образы России на постсоветском пространстве» (М., 2001). Особый размах эта работа приобрела в самих новых независимых государствах — создаются новые учебники истории для средней и высшей школы, пишутся новые версии исторического пути той или иной страны (народа) в составе и вне России/СССР. В применении к Киргизии сошлюсь в качестве примера на новый учебник для вузов («История кыргызов и Кыргызстана». Под ред. Т. К. Койчуева, С. С. Даниярова, В. М. Плоских. Бишкек, 1998), а также на солидное трехтомное собрание документов и материалов, раскрывающее историю контактов России и Киргизии на протяжении почти трех столетий: «Кыргызстан — Россия. История взаимоотношений в XVIII–XIX вв.», Бишкек, 1998; «Кыргызстан — Россия. История взаимоотношений в составе империи и СССР (вторая половина XIX в. — 1990 г.)», Бишкек, 2000 и «Кыргызстан — Россия. История взаимоотношений суверенных государств (90-е годы XX века)», Бишкек, 2001).

⁶ Как отмечал Борис Миронов, автор фундаментального труда о социальной истории России, «о российской экспансии написано много... и высказано несколько точек зрения: от признания России агрессивной империалистической державой, стремящейся к бесконечному расширению своих границ, до оправдания колониационного движения интересами не только русских, но и самого населения присоединенных территорий» (*Миронов Б. Н.* Социальная история России. Т. 1. СПб., 1999. С. 19). Если продолжить тему, этот ученый приходит к выводу о том, что «Российская империя никогда не была колониальной державой в европейском смысле этого слова (хотя элементы колониализма наблюдались, например, по отношению к народам Сибири)», и приводит в качестве обоснования ряд серьезных аргументов (*Миронов Б. Н.* Социальная история... С. 62–65). Другой авторитетный исследователь имперской истории России, Андреас Каппелер, полагает, что «штамп “колониальной державы” не подходит лишь к российской дореформенной империи, а впоследствии ее колониальный характер усилился, причем «показательным примером классической колонии становится Средняя Азия с ее целевым форсированным производством хлопка». И далее: «...азиатские области России без каких-либо оговорок могут охарактеризованы как колонии» (*Каппелер А.* Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 1997. С. 122; 154–155; 238). Есть в литературе и значительно более осторожные высказывания по данному вопросу. Анатолий Вишневский, к примеру, пишет о «неопределенности границ между метрополией и колониями»: «подобно тому, как Сибирь не была на сто процентов метрополией, так южные — кавказские или среднеазиатские — окраины империи не были на сто процентов колониями» (*Вишневский А. Г.* Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 275).

⁷ Значительны расхождения и в трактовке такого важного аспекта нашей темы, как сравнительная оценка результатов российско-имперского влияния на Центральную Азию, с одной стороны, и советского, с другой. Иными словами, речь идет о локальном варианте разрешения вечной дилеммы о соотношении колонизаторского и цивилизаторского начал в имперской политике. Некоторыми учеными модернизационный вклад Российской империи в развитие данных территорий оценивается тем не менее как весьма скромный (в сравнении с советским временем), а генеральная линия в отношениях с ними видится как «сосуществование» и «невмешательство». По словам А. Каппелера, например, «оседлые мусульмане и мусульмане-кочевники продолжали

жить в соответствии со своим традиционным социальным укладом и ценностными ориентирами». Если представить себе шкалу «интенсивности унифицирующей интеграции», «...то на самом нижнем конце этой шкалы надо было бы поставить российскую политику невмешательства по отношению к мусульманам Средней Азии» (*Кантелер А.* Россия — многонациональная империя... С. 148; 206–207). На этом фоне выделяется во многом противоположное видение данных проблем Шарифом и Рустамом Шукуровыми. Воздействие большевистского режима, «советского катка», трактуется ими как почти полностью деструктивное, а вклад дореволюционной России — и духовный, и материальный, оценивается, напротив, как очень весомый и позитивный: «Россия не только существенно структурировала и очистила повседневную азиатскую жизнь [тезис, кстати, плохо согласующийся со следующим далее по тексту утверждением о том, что «Россия избегала открытого вмешательства в частную жизнь мусульман» — *Н. К.*], но и совершила в нее благотворную инъекцию новейших европейских достижений» (*Шукуров Ш., Шукуров Р.* О воле к культуре // Центральная Азия и Кавказ. Luleå (Швеция), 1998. № 1. С. 167, 168 (статья первая)).

⁸ Упомяну здесь лишь об одном событии, возможно, наиболее болезненном в истории взаимоотношений России и покоренных ею кочевников Средней Азии — речь идет о восстании, охватившем в 1916 г. Туркестан и, главным образом, Семиречье (южные районы современного Казахстана и северную часть современной Киргизии). Естественно, официальные советские версии подобных событий не могли не подвергнуться радикальной ревизии, в первую очередь со стороны самих киргизов, но даже среди киргизских ученых существуют серьезные расхождения по поводу того, чем же все это было (см., напр., резкую полемику А. Арзыматова с автором монографии о восстании 1916 г. К. Усенбаевым в газете «Res Publica», Бишкек, 1998, № 33). Пестрота мнений носит в данном случае не только концептуально-идеологический, но и фактологический характер. Так, вряд ли те авторы, кто резко обвиняют российский колониальный режим и считают события 1916 г. геноцидом киргизского народа, согласятся с утверждением Ш. и Р. Шукуровых о том, что «...Туркестан под властью Романовых не знал по-настоящему массовых антирусских колониальных движений» (*Шукуров Ш., Шукуров Р.* О воле к культуре (статья первая)... С. 168).

⁹ Собственно, если бы не было необходимости сделать вопросы «симметричными» (т. е. спрашивать о «вкладе» не только русских, но и киргизов и таджиков), то в формулировке можно было бы вообще обойтись без этнонима «русские», например, таким образом: «Что принесло киргизам пребывание в составе Российской империи?» или «Что хорошего и плохого дала киргизам Советская власть?» и т. п.

¹⁰ *Панарин С.* Восток глазами русских // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Материалы одноименной конференции. Ч. I. М., 1993.

¹¹ Там же. С. 63, 65, 70, 71, 73, 74.

¹² Там же. С. 70. Необходимо отметить, однако, что в последующих работах С. Панарин снизил акцентацию на этничность и перешел при рассмотрении главных субъектов имперского воздействия на центральноазиатские общества к более расширительным и социализированным понятиям — «дети империи» и «русскоязычные». См., напр., его статью «Русскоязычные у внешних границ России: вызовы и ответы (на примере Казахстана)», «Дiasпоры», М., 1999, № 2/3. С. 137–140, а также главу в коллективной монографии «В движении добровольном и вынужденном. Постсоветские миграции в Евразии», под ред. А. Р. Вяткина, Н. П. Космарской и С. А. Панариной, М., 1999. С. 61.

¹³ *Шукуров Ш., Шукуров Р.* О воле к культуре (статья вторая) // Центральная Азия и Кавказ. 1999. № 2. С. 197.

¹⁴ См., напр.: *Миронов Б. Н.* Социальная история... С. 42–43.

¹⁵ *Кантелер А.* Россия — многонациональная империя... С. 177.

¹⁶ Там же. С. 124.

¹⁷ Там же. С. 153. Научной основой подобной политики стали западные эволюционистские концепции происхождения культур (пик популярности их приходится на вторую

половину XIX в.), исходящие из постулата «лучше то, что более развито» (подр. см.: Белик А. А. Культурология... С. 25–33, 43–47).

¹⁸ Шукуров Ш., Шукуров Р. О воле к культуре (статья вторая)... С. 202.

¹⁹ Вишневецкий А. Серп и рубль... С. 280.

²⁰ «...советская система, несомненно, смогла запустить механизм модернизации в Средней Азии, но она не сумела довести ее до конца...», хотя «в экономической и социальной структуре, в политике и культуре, в повседневной жизни Средней Азии — повсюду были видны признаки “современности”...» (Вишневецкий А. Там же. С. 290).

²¹ «...умирал киргиз от осы, умирал от чумы (она переносилась сурками), а сифилис — это же поголовно совершенно. А лечили шаманы, баши по-киргизски. Даже великий Атаке-батыр, который впервые прислал посольство в Петербург, к Екатерине, он же без носа был; вместо носа у него была такая черная повязочка... Один уездный врач в Пишпекке, он не врач даже был, а фельдшер, пользовал почти всю Чуйскую долину. При советской власти было сделано очень много, потрясающе много, пришла настоящая медицина наконец» (из интервью с В. Мокрыниным, 30.08.99)

²² Антология киргизской поэзии. М., 1957. С. 286.

²³ Там же. С. 145, 147.

²⁴ Подр. см.: Вишневецкий А. Серп и рубль... С. 271–282.

²⁵ Там же. С. 292.

²⁶ Там же. С. 280.

²⁷ О масштабах этой деятельности красноречиво говорит хотя бы тот факт, что в период индустриализации промышленное производство в республике (которого до революции 1917 г. практически не существовало) выросло в 736 раз! Подр. см.: История Киргизской ССР. Т. 3. Фрунзе. 1986. С. 367–384. Цит. по: Abazov R. Migration of Population, the Labor Market and Economic Changes in Kirghizstan // Migration in Central Asia: Its History and Current Problems. Ed. by H. Komatsu, Ch. Obiya and J. S. Schoberlein. ICAS Symposium Series No. 9. The Japan Center for Area Studies. Osaka. 2000. P. 213.

²⁸ Неоднозначное отношение киргизов к индустриальному труду и неподготовленность к нему, а также отсутствие у системы «настроенности» на преодоление определенных трудностей взаимно подпитывали друг друга: «Сельская молодежь, которая не поступила в вузы, могла идти только на фабрики и заводы. В силу особенностей менталитета она не могла сразу адаптироваться к дисциплине фабрично-заводского труда... Вы представляете, что такое сельская местность? Там же нет никаких твердых рамок. А у наставников часто не хватало нужного терпения; может быть, по-другому как-то подойти нужно было... Там была очень большая текучесть кадров... И в основном, конечно, в промышленности преобладало русскоязычное население. Отделы кадров и другие службы брали прежде всего русских. С ними легче было, чем переучивать и дольше заниматься с киргизской молодежью, которая, конечно, свои особенности имела» (из интервью с Айнурой Элебаевой, 2.10.96).

²⁹ Жекшеев Ж. Правда и вымысел не только об «Ашаре» // Res Publica. 1992. № 22.

³⁰ Асанканов А. Киргизы: рост национального самосознания. Бишкек, 1997. С. 96.

³¹ Руднев В. П. Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты. М., 1999. С. 170.

³² В этой группе выделяются высказывания, касающиеся сохранения русскими своей идентичности — «возможность чувствовать себя русским», «позволили сохраниться русским как русским». Подобные мнения, которые вряд ли могли быть озвучены в советский период, являются логическим продолжением (хотя и не очень весомым количественно) ответов на уже проанализированный вопрос о том, что русские сделали плохого для киргизов («навязали им свою культуру»). На мой взгляд, эти ответы можно интерпретировать и в том смысле, что часть русских начинает осознавать происходящее с ними в национализирующемся государстве как следствие пороков своей собственной политики.

³³ Лебедева Н. М. Психологические проблемы миграции из нового зарубежья // Российская диаспора и проблемы недобровольной миграции на постсоветском пространстве. М., 1997. С. 62–63.

- ³⁴ *Воронин О. Л.* Русские в Средней Азии — исчезающая диаспора // Диаспоры в историческом времени и пространстве. Национальная ситуация в Восточной Сибири. Иркутск, 1994. С. 128.
- ³⁵ *Лебедева Н. М.* Психологические проблемы миграции... С. 151.
- ³⁶ См., напр.: *Гриценко В. В.* Русские среди русских. Проблемы адаптации вынужденных мигрантов и беженцев из стран ближнего зарубежья в России. М., 1999. С. 160; *Лебедева Н. М.* Психологические проблемы миграции... С. 63.
- ³⁷ К сожалению, наши ученые, насколько мне известно, эту тематику не очень жалуют. Но из имеющихся в литературе отрывочных сведений можно заключить, что Киргизия исключением не является и что сдвиги в сознании русскоязычных начали проявлять себя еще до распада СССР. Сошлюсь для примера на опрос 1480 представителей разных национальностей (включая 820 узбеков и 460 русских), проведенный в 1990—1991 гг. в Узбекистане. Значительная доля и первых, и вторых (60,0 и 55,6% соответственно) согласилась с тем, что в республиках проводилась политика русификации. Отвечая на вопрос о проявлениях такого курса, более одной пятой русских (22,2%) согласилась, что существовала их монополия на ключевые посты в партийных и государственных органах и около трети (27,8%) подтвердили, что относились с презрением к иным культурам и традициям (33,3% затруднились с ответом). См.: *Nikolaev S.* Russians in Uzbekistan // *The New Russian Diaspora. Russian Minorities in the Former Soviet Republics.* Ed. by V. Shlapentokh, M. Sendich & E. Payin. Armonk, N. Y., M. E. Sharpe, 1994. P. 115—116.